

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р. Дж. Абдрахманова

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД
(ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

**Учебное пособие для студентов
старших курсов переводческих отделений**

Бишкек 2015

УДК 81'255.2 (075.8)

А 13

Рецензенты:

С.З. Садыкова, канд. филол. наук, проф., зав. каф. немецкого языка Института лингвистики КГУ им. И. Арабаева,
Р.В. Вальваков, канд. филол. наук, доц.

Рекомендовано к изданию кафедрой теории
и практики английского языка
и межкультурной коммуникации КРСУ

Абдрахманова Р. Дж.

А 13 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ): учебное пособие для студентов старших курсов переводческих отделений. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 86 с.

В учебном пособии представлены общие вопросы лингвистической теории художественного перевода и его языковые переводческие аспекты.

Практический анализ передачи выразительных средств в художественном переводе, а также переводческие технологии окажут помощь студентам в их практической деятельности в поиске эквивалентов для достижения адекватности перевода.

Пособие предназначено для студентов старших курсов переводческих отделений.

© ГОУВПО КРСУ, 2015

ЧАСТЬ 1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

§ 1. Художественный перевод

Время выхода первого издания книги А. В. Федорова «Введение в теорию перевода» в 1954 г., можно считать началом развития научных разработок лингвистической теории художественного перевода. В это время подходы к исследованию художественных текстов и их переводов осуществлялись с литературоведческих, историко-литературных позиций. Решительно было заявлено о различиях перевода, как творческого процесса или как искусства и теории перевода, как особой научной дисциплины, основная задача которой – «проследивать закономерности в соотношении между подлинником и переводом, обобщать в свете научных данных выводы из наблюдений над отдельными частными случаями перевода и помогать переводческой практике, которая могла бы руководствоваться ею в поисках нужных средств выражения и черпать в ней доводы и доказательства в пользу определенного решения конкретных вопросов» (Федоров, 1958:15).

Языковедческий подход к художественному переводу подразумевает многосторонний анализ функционирования лингвистических явлений в двуязычной коммуникации, закономерностей переводческого процесса на лексическом, грамматическом (морфологическом, синтаксическом), семантическом, прагматическом, логико-грамматическом (актуальном) уровнях, а также эквивалентных соотношений и адекватности переводного текста с исходным текстом. Лингвистический аспект художественного перевода включает рассмотрение многообразных переводческих действий в процессе передачи содержания исходного текста во взаимосвязи с языковой системой, языковой нормой, узусом. Успешное преодоление лингвоэтнического барьера, который возникает каждый раз при передаче национально-специфических характеристик и образов художественного текста, возможно

только с учетом языковых и экстралингвистических факторов. Эти факторы носят психолингвистические, социолингвистические, функционально-коммуникативные, лингвокультурологические, когнитивные характеристики. Перевод как опосредованная двуязычная коммуникация контактирует с двумя языками, двумя культурами. Идеалом хорошего перевода является такой перевод, который по своим характеристикам должен походить на естественную, одноязычную коммуникацию. Ценность перевода для общества, т. е. его общественное предназначение состоит в том, что он «призван обеспечить такую опосредованную коммуникацию, которая по своим возможностям максимально приближалась бы к обычной, одноязычной коммуникации» (Латышев, 2008:20–21).

Моделирование самого переводческого процесса художественного перевода находит свое самое непосредственное выражение в различных моделях перевода. Модели перевода представляют процесс перевода в виде лингвистических операций, но выбор той или иной модели не означает, что процесс перевода происходит именно по данной модели. Описание этих моделей показывает, что они носят условный, гипотетический характер. Переводчики должны быть знакомы с существующими разработками в этой области, поскольку знание особенностей переводческих закономерностей моделирования, окажут помощь в понимании языковых особенностей оригинала и соответствующих явлений в языке перевода. Задачи модели заключаются лишь в том, чтобы описать последовательность действий, с помощью которых можно решить определенную переводческую задачу при заданных условиях процесса перевода. Описание переводческого процесса с помощью моделей перевода проводится как в аспекте сферы ее применения, так и в аспекте выбора типов переводческих трансформаций, которые могут быть использованы в рамках модели.

Наиболее разработанными и практически ориентированными моделями являются закономерные соответствия Я.И. Рецкера, уровневая эквивалентность В.Н. Комиссарова, динамическая

эквивалентность Ю.А. Найды, семантическая (в которой определяются языковые значения и очередность их передачи в переводе) Л.С. Бархударова, трансформационная, основанная на принципах генеративной грамматики Дж. Кэтфорда, технологические составляющие равноценности перевода в их способности регулятивного воздействия Л.К. Латышева, ситуативно-денотативная, билингвистические закономерности логико-грамматической эквивалентности А.Л. Пумпянского, ступенчатая информационная Р.К. Миньяр-Белоручева. [Теоретические основы моделей перевода в достаточной мере отражены почти в каждом пособии по переводу, поэтому мы не повторяем эти и другие теоретические вопросы, а больше концентрируем внимание в решении прикладных задач, которые требуют более полного освещения].

Теория художественного перевода в лингвистическом своем аспекте анализирует, объясняет, обобщает факты перевода любого текста вне зависимости от его литературных жанровых характеристик. Лингвистическая теория художественного перевода исследует переводческий процесс не только с языковедческих позиций, но и использует данные, полученные в результате литературоведческих, историко-литературных исследований художественного текста.

Пути решения многих задач теоретического изучения перевода были не простыми, сложными. Но основная цель уже в далекие 50-е гг. прошлого столетия была поставлена и в последующем нашла свое развитие, что «язык в любом переводе (и в художественном также) – отнюдь не только вспомогательное средство работы. Всякая задача, разрешаемая в переводе (идейно-познавательная – применительно к научной литературе, идейно-эстетическая – применительно к литературе художественной), разрешается только языковыми средствами» (Федоров, 1958:5). Лишь глубокая лингвистическая основа, знание закономерностей, существующих в отношении между определенными языками, включая стилистические стороны лингвистической проблемы перевода, могут решить узловые проблемы принципа переводимости в различных видах перевода, включая и художе-

ственный перевод, являющийся высшей формой переводческой деятельности.

Проблема художественного перевода в течение долгого времени привлекает исследователей, работающих в области перевода и литературоведения. Так, проблемы художественного перевода всегда были в центре внимания как лингвистов-теоретиков, так и переводчиков-практиков (Л.С. Бархударова, Е.В. Бреус, В.Г. Гак, СВ. Евтеева, В.Н. Комиссаров, Д. Кристал, Л.К. Латышева, Ю. Найда, Я.И. Рецкер, А.В. Федорова, М.Я. Цвиллинга, Л.А. Черняховской, А. Д. Швейцера и мн. др.).

В достижении адекватного перевода перед переводчиком ставится множество лингвистических проблем, требующих глубоких познаний не только нормативно-языковых, но и узуальных средств языкового выражения. Передача языковых, стилистических, грамматических особенностей говорит о многоплановости художественного текста, которые требуют тщательного анализа авторских языковых средств и композиционной структуры произведения, точного подбора приемов перевода для передачи не только смысла произведения, но и стилистического своеобразия оригинала. В переводном тексте важно сохранить не только прагматический потенциал оригинала, его коммуникативный эффект, но и художественную образность текста оригинала при переводе.

Художественный перевод – вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на переводящем языке речевого произведения, способного оказывать адекватное художественно-эстетическое воздействие на читателя, на язык которого переведено художественное произведение.

§ 2. Художественный стиль и художественный текст

Художественный стиль текста, произведения всецело зависит от творческого потенциала писателя, который использует стилеобразующие возможности литературного направления (классицизм, романтизм, критический реализм), монолога и диалога, средств композиции, строфы, жанра и его разновидностей,

индивидуальной речи персонажей, даже расположения строк на листе и шрифтов. Текст в этом стиле воздействует на воображение и чувства читателя, передаёт мысли и чувства автора, использует всё богатство лексики, возможности разных стилей, характеризуется образностью, эмоциональностью речи.

Произведения художественной литературы противопоставляются всем прочим речевым произведениям благодаря тому, что для всех них доминантной является одна из коммуникативных функций, а именно художественно-эстетическая.

Основная цель любого произведения этого типа заключается в достижении определенного эстетического воздействия, создание художественного образа. Такая эстетическая направленность отличает художественную речь от остальных актов речевой коммуникации, информативное содержание которых является первичным, самостоятельным.

Художественный текст характеризуется как комплексный текст, произведение художественного стиля, текст подготовленный, дескриптивный с элементами деонтического и аксиологического текстов (функционально-прагматический параметр), целостный и связный (Бабенко, 2008). Прагматический уровень перевода предполагает сохранение интенций автора, передачу в максимальной степени стилистических особенностей текста-оригинала и сохранение инокультурного колорита.

Эмоциональность художественной речи выполняет эстетическую функцию. В художественном стиле для создания образов используются все языковые средства, соответственно художественный текст строится на использовании образно-ассоциативных качеств речи. Отличительной особенностью художественного стиля речи является использование особых *фигур речи*, *тропов*, которые придают повествованию красочность, силу изображения действительности.

Художественные тексты имеют две основные взаимосвязанные текстообразующие функции: *функцию воздействия* и *эстетическую функцию*. Особое значение приобретает форма изложения. От того, как и в какой форме материализуется содер-

жание, зависит эстетическая ценность произведения и уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя. Автор передает свои чувства и эмоции, чтобы сформировать у читателя нужное отношение к тем или иным описываемым объектам.

§ 3. Средства выразительности в аспекте перевода

Функция воздействия и эстетическая функция художественного текста проявляются в использовании различных средств выразительности. Целью использования выразительных средств является создание и усиление эмоционально-эстетического воздействия на читателя и формирование отношения читателя к содержанию художественного текста. Для создания адекватного перевода необходимо передать в нем выразительные средства, использованные в оригинале. Как известно, в художественных текстах используются единицы и средства всех стилей, которые включаются в литературную систему и приобретают эстетическую функцию. Художественная образность текста, т. е. выражение чувств и эмоций автора передаются через определенные средства выразительности. К средствам выразительности относятся стилистически окрашенная лексика, тропы, фигуры речи, пословицы и поговорки.

Троп – это слово, употребленное в переносном значении, когда происходит семантическое изменение слова в целях достижения большей художественной выразительности. К тропам относят такие средства выразительности, как метафора, метонимия, аллегория, гипербола, гротеск, ирония, литота, олицетворение (персонификация), перифраза, синекдоха, сравнение, эпитет, инверсия.

Употребление тех или иных выразительных средств в определенных ситуациях целиком и полностью зависит от желания автора, его личных предпочтений. Эстетическую сторону писательского труда, образную и эмоционально-выразительную специфику художественного произведения определяет талант самого писателя (Гуляев, 1977:112). Индивидуальный стиль писателя

определяется многими факторами: психологическим складом, его эстетической и общественной позицией, жизненным опытом.

Передавая творческую манеру писателя, стиль, его миропонимание, переводчик, там, где это не осложняется определенными факторами (различие мировоззрений, культур, отсутствие у представителей ПЯ определенных реалий, разная сочетаемость слов), должен сохранить в переводе *характер выразительных средств*. Выразительные средства многообразны и передача индивидуального своеобразия текста оригинала на языке перевода является одной из главных проблем перевода художественной литературы. Еще Я.И. Рецкер, разработавший теорию закономерных соответствий и критерии адекватности, указывал, что адекватным можно считать лишь такой перевод, который передает не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем (здесь и далее подчеркнуто нами, с.13). Выразительные средства отличаются своим многообразием, и передача этих средств так, как это в подлиннике требует естественности перевода в соответствии с жанрово-стилистическими нормами художественного текста. Что касается выразительных средств, характеристики которых приведены ниже, то при переводе художественного текста с ИЯ на ПЯ для придания тексту перевода большей естественности представляется возможным передавать некоторую часть определенных выразительных средств (например, некоторую часть эпитетов метафорами, замена каких-либо видов троп другими видами и т.д.). Если передавать каждую стилистическую фигуру именно той фигурой в ПЯ, то получится буквальный перевод, который может исказить не только стилистические и экспрессивные особенности художественного текста, но и целостность его содержания. Следует отметить, что в основном в переводе сохраняются характерные выразительные средства, использованные автором для создания эмоционально-эстетической образности художественного произведения. Прежде чем перейти к рассмотрению передачи этих средств в опосредованной межъязыковой коммуникации (переводе) в краткой форме представим их основные характеристики.

Метафора – это троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии. Различают такие виды метафор, как гиперболическая, лексическая (мертвая), ломаная, расширенная, поэтическая.

Метонимия – это троп, когда вместо названия одного предмета дается название другого, находящегося с первым в отношении «ассоциации по смежности», т. е. в отношении процесс – результат, материал – изделие, часть – целое.

Аллегория – это выражение отвлеченной идеи в конкретном художественном образе.

Ирония – троп, состоящий в употреблении или выражения в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления.

Идиома – это фразеологическая единица, обладающая ярко выраженными стилистическими особенностями, благодаря которым ее употребление вносит в речь элемент игры, шутки, нарочитости.

Литота – это троп, состоящий в употреблении антонима с отрицанием, как средство риторического «умаления».

Олицетворение (персонификация) – это троп, когда неодушевленным предметам приписываются свойства и признаки одушевленных, такие как дар речи, способность вступать в отношения, свойственные человеческому обществу.

Синекдоха – это троп, состоящий в замене названия целого названием какой-либо части, в названии частного вместо названия общего и наоборот.

Эвфемизм – это троп, состоящий в непрямом, прикрытом вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления.

Эпитет – это разновидность определения, отличающаяся экспрессивностью, переносным (тропическим) характером. Они бывают объяснительными, описательными, порицательными, постоянными.

Сравнение – слово, обозначающее предмет или лицо, которое сравнивается, называется объектом сравнения, а второй компонент сравнения определяется как термин сравнения. Оно относится к риторическим средствам.

Анафора – это фигура речи, состоящая в повторении начального слова в каждом параллельном элементе речи. Анафора используется на всех языковых уровнях.

Фигурой речи называется уклонение от обыкновенного способа выражаться с целью усилить впечатление. Главное отличие фигур речи от тропов состоит в том, что в них слова не обязательно должны употребляться в переносном значении.

Эпифора – это фигура речи, противоположная анафоре, состоящая в повторении слова или звукосочетания в конце фразы или нескольких фраз в целях усиления выразительности речи, особенно поэтической.

Гипербола – это фигура речи, состоящая в заведомом преувеличении, усиливающем выразительность, придающем высказываемому эмфатический характер.

Оксюморон – это фигура речи, состоящая в соединении двух антонимических понятий (двух слов, противоречащих друг другу смыслов – *красноречивое молчание, звонкая тишина*).

Эпифонема – это фигура речи, состоящая в употреблении пояснительного или восклицательного предложения после утвердительного с тем же общим содержанием для придания первому большего веса.

Парафраза (описательный оборот, описание) – это троп, состоящий в замене названия лица, предмета или явления описанием их существенных признаков или указанием на их характерные черты (*царь зверей – лев*).

Антитеза - это фигура речи, состоящая в противопоставлении сочетаемых слов и часто основанная на употреблении антонимов.

Повтор – это фигура речи, полное или частичное повторение лексических, синтаксических морфемных единиц (корня, основы, целого слова, синтаксической конструкции).

Плеоназм – фигура речи, состоящая в повторении сходных оборотов выражений, накопление которых придает речи стилистический эффект.

Умолчание – фигура речи, состоящая в экспрессивно-эмоциональном обрыве высказывания, предполагающем возможность для слушающего или читающего догадаться, что именно осталась невысказанным.

Риторический вопрос – фигура речи, состоящая в придании утверждению или отрицанию вопросительной формы для того, чтобы привлечь усиленное внимание слушателя повысить эмоциональный тон.

Градиция (постепенное усиление) – стилистическая фигура, состоящая в таком расположении частей высказывания (слов, отрезков предложения), при котором каждая последующая включает в себе усиливающееся смысловое или эмоционально-экспрессивное значение, благодаря чему создается нарастание производимого ими впечатления. (*Пришел, увидел, победил*).

Инверсия – синтаксическое средство выразительности, проявляющаяся в нарушении прямого порядка слов, или необычного следования элементов предложения, вызывающий особую стилистическую коннотацию.

Асиндетон (бессоюзие) – синтаксическое средство выразительности. Пропуск союзов приводит к введению в текст дополнительных знаков препинания (двоеточия, дефиса, точки с запятой). (*Назвался груздем – полезай в кузов*).

Полисиндетон – прием, противоположный асиндетону, при котором перед каждым однородным членом предложения ставится союз.

Парцелляция – стилистический прием как средство образности, позволяющий усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений. При членении предложения содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы. (*С девушкой он вскоре посорился. И вот из-за чего*).

В качестве средств выразительности используются также междометия, вводные слова, частицы, модальные слова, ласкательно-уменьшительные слова.

§ 4. Передача выразительных средств в переводе

При переводе художественного текста с ИЯ на ПЯ для придания тексту перевода большей естественности представляется возможным передавать некоторую часть определенных выразительных средств, например, фигур речи, некоторую часть эпитетов метафорами, замена каких-либо видов троп другими видами и т.д.). Приведем примеры передачи выразительных средств в художественных текстах с ИЯ на ПЯ.

Русск.-англ. Эпитет – метафора: Она целовала его мраморный лоб. – She kissed his forehead – a piece of marble.

Англ.-русск. Метафора – эпитет: His nerves were pure steel. – Нервы его были из чистой стали.

Русск.-англ. Эпитет – метафора: Эти каменные мысли не давали ему покоя. – This thoughts – heavy stones – troubled him.

Олицетворение – метафора: Судьба любила его и всего лишь по-детски смеялась над ним. – His fate was just a child who loved him and laughed at him.

Англ.-русск. Метафора – эпитет: The feeling of self-pity was burning her. – Ее мучило чувство жгучей жалости к себе.

Метафора – олицетворение: The sense of her own guilt a cat of sharpening its claws against her soul. – Сознание собственной вины точило когти о ее душу.

Русск.-англ. Сравнение – метафора: Стояли они (дома) тесно, будто боялись затеряться в нелюдимых сопках и долинах, смотрели друг другу в окна, точно в глаза. – They stood close to each other as if afraid to get lost in the lonely volcanoes and plains and looked each other into the eyes.

Олицетворение – метафора: Вопросы размножаются простым делением. – Questions are cells which multiply by fission.

Англ.-русская. Метафора – сравнение: Every sail a tongue of flame on the vast expanse of white-washed water. – Каждый парус – как язык пламени на широком белом полотне воды.

Метафора – олицетворение: The house was the old guard of many of their secrets. – Этот старый дом хранил многие их секреты.

Русская.-англ. Олицетворение – сравнение: В лесу напевал веселые мелодии ручей. – A brook in the forest was like a singer humming cheerful melodies.

Метафора – сравнение: Острый конус вулкана был четко врисован в тонкий ситец неба. –The sharp cone of volcano stood out clearly against a background of the sky as it printed on fine chintz.

Англ.-русская. Сравнение – олицетворение: The trees behind the house were like its security guards. – Деревья позади дома охраняли его покой.

Сравнение – метафора: The islands were like patches on the worn dress of the sea. – Острова – заплаты на поношенном платье моря.

Русская.-англ. Метафора – сравнение: Промелькнул рыжий пламень хвоста. – The tale flashed by like red flame.

Метафора – эпитет: Табун тек по травам. –The herbs were filled with a flowing stream of a herd.

Англ.-русская. Сравнение – метафора: The bird held the prey in its claws sharp like chips of stone. – Птица держала добычу в острых каменных осколках когтей.

Эпитет – метафора: He remembered the white - stockinged legs of the horse. – Он вспомнил белые чулки лошадиных ног.

При передаче выразительных средств, связанных с абстрактными понятиями, в переводе художественного текста с русского применимы общие рекомендации: замена некоторых эпитетов и олицетворений метафорами; некоторые сравнения и олицетворения метафорами; эксплицировать уподобление, лежащее в основе части метафор, преобразовывать их в сравнения; метафоры заменять сравнением и эпитетом. При переводе с английского может быть использован обратный механизм замен выразительных средств.

Рассмотрим некоторые примеры передачи выразительных средств на немецкий язык повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» из двуязычной серии ЭГИСА / A.S. Puschkin. Pique - Dame. // AEGIS-Verlag Ulm. 1947. AEGIS – Zweisprachenreihe. № 13. Deutsch von A. Alexander.

Русск.-нем. Ирония, парафраза – метонимическая парафраза: Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного элексира и философского камня и прочее (с. 10). – Sie wissen, daß er sich für den ewigen Juden, der Erfinder des Lebens-Elexiers, den Entdecker des Steins der Wissen, und wer weiß was noch, ausgab (S. 11). Вводные слова «Вы знаете» выступают в этом предложении также как средства выразительности, которые усиливают тонкую и скрытую насмешку, облеченная в последующих парафрастических словах и выражениях «выдавал себя вечного жида, за изобретателя жизненного элексира и философского камня». В немецком актуализирована сема ‘Juden – еврей’, и в данном случае мы видим явление «эквивалентность при существовании различия» [«equivalence in difference» (Роман Якобсон)]. Не эквивалентные в денотативном плане единицы лексического значения в контексте оказались адекватными. При переводе на немецкий, нарочитость положительной характеристики в виде тонкой насмешки, уступает место более экспрессивному, эмоциональному компоненту «den Entdecker des Steins der Wissen – открывателя», «wer weiß was noch – кто знает, что еще», который приводит к метонимическому сдвигу парафразы.

Русск.-нем. Метафорическая аллегория – Метафорическая аллегория: Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца; а кому и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи? (с. 24). – Fremdes Brot schmeckt bitter, sagte Dante, und schwer ist es, Stufen zu ersteigen, die zu einer fremden Tür führen. Wer aber mochte wohl das Bittere der Abhängigkeit besser kennen als das arme Pflegekind dieser vornehmen Greisin? (S. 25). Выразительные средства имеют двойные «наслоения», т. е. метафора+аллегория, так отвлеченная идея рабской покорности бедной воспитанницы в переводе передана как лексическими,

так и синтаксическими средствами: разбиение предложения на два предложения вызвано стилистическим требованием. Изменение синтаксической структуры предложения необходимо для смыслового выделения и уточнения содержания, а также для передачи значений эмоционально насыщенной лексики.

Русск.-нем. Олицетворение (персонификация) – Олицетворение + эвфемизм: Сколько раз, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать в бедной своей комнате ... (с. 29). – Wie oft verließ sie heimlich den langweiligen, prunkvollen Saal, um in ihrem ärmlichen Zimmerchen zu weinen ... (S. 29). В контексте речь идет о балах, которые давались в этом доме, но воспитанница Лизавета Ивановна не устаивалась вниманием ветреных повес, которые крутились рядом с богатыми невестами. На немецкий передан весь смысл выразительного средства (олицетворения), где гостиная выступает в роли светского общества, члены которого тщеславны, скучны в своих пышных нарядах. Сохранен и оксюморон, как фигура речи в контексте всего предложения, соединивший в себе две противоположные, антонимические понятия в словосочетаниях: пышная гостиная (prunkvoller Saal) – в бедной комнате (im ärmlichen Zimmerchen), существительное с суффиксом – *chen* выражает в этом контексте через уменьшительный суффикс прикрытую и смягченную характеристику убожества каморки (эвфемизация).

Русск.-нем. Метонимия+Персонификация – Метонимия + персонификация Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара (с. 34). – Pelze und Mäntel eilten schnell an dem aufgeblassenen Portier vorbei (S. 37).

Русск.-нем. Сравнение – сравнение: Герман трепетал, как тигр, ожидая назначенного времени (с. 46). – Herman zitterte und bebte wie ein Tiger, die festgesetzte Zeit erwartend (S. 47).

Русск.-нем. Метафорическое олицетворение – деметафоризация: Окна померкли (с. 48). – Die Fenster wurden dunkel (S. 48). В переводе на немецкий язык наблюдается явление деметафоризации.

Русск.-нем. Синекдоха – синекдоха. Черты ее изобразили сильное движение души (С. 56). – Ihre Züge drückten eine heftige Gemütsbewegung aus (S. 57). Снектоха – троп, состоящий в замене названия целого названием какой-либо его части, сохранен в переводе. Передача этого тропа усиливает эмоциональную окраску передаваемой ситуации.

§ 5. Переводческая эквивалентность

Лингвистические сложности перевода с одного языка на другой объясняются особенностями семантики, синтактики и прагматики языковых выражений исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). Достижение адекватности предполагает подбор эквивалентов переводчиком, который при строгом соблюдении норм ПЯ производит разнообразные межъязыковые преобразования, которые называются *переводческими трансформациями*.

С помощью трансформаций как способов перевода и собственно переводческих трансформаций на лексическом, морфологическом, синтаксическом, прагматическом уровнях переводчику удастся в максимальной степени передать информацию, заключенной в исходном тексте.

Адекватность, эквивалентность, переводческие трансформации, инвариант, лакунизация, переводческие стратегии – вот неполный перечень основных категорий перевода, которыми оперирует переводчик в своей переводческой деятельности. Переводческая эквивалентность связана с более широкой категорией перевода (как и вообще любого вида интерпретации) – *категорией соответствия*.

Эквивалентность является одним из критериев описания возникающего в переводе отношения соответствия. Другим критерием описания переводческого соответствия служит категория адекватности. Аспект эквивалентности включает формальные соотношения разноязычных текстов (ИТ и ПТ) на всех уровнях, включая отдельные образующие их элементы и структуры. *Потенциально достижимая эквивалентность* – максимальная общность содержания двух разноязычных текстов,

допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты. *Переводческая эквивалентность* – реальная смысловая близость текстов оригинала и перевода, достигаемая переводчиком в процессе перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной. *Стилистическая эквивалентность* – один из видов переводческой эквивалентности, близкий к коммуникативной, прагматической и функциональной эквивалентности, поскольку все эти виды эквивалентности связаны с понятиями: 1) коммуникативного акта и его компонентов – отправителя, текста, получателя; 2) коммуникативного эффекта, образующего триаду с двумя другими понятиями – коммуникативной интенции и функциональных параметров текста. Исходя из цели коммуникации, отправитель создает текст, отвечающий определенным функциональным параметрам (референтному, экспрессивному и др.) и вызывающий у получателя определенный коммуникативный эффект, соответствующий данной коммуникативной цели.

Как коммуникативная, так и стилистическая эквивалентность предполагает максимально возможную верность концептуальной программе автора исходного текста и приемлемость переводного текста в принимающей культуре.

Отсутствие полной корреляции между эквивалентами может быть эмоционально-экспрессивного (коннотативного, стилистического) характера, когда эмоционально-экспрессивный компонент информативного объема слова оригинала и перевода не совпадает. Ср.: Океанской волной, с диким гиканием и ревом неслась конница кочевников с пиками и знаменами наперевес (ЧА/В, 568). – Wie eine Meereswoge sprengten Nomadenreiter mit wildem Feldgeschrei heran, die Lanzen gefällt, die Fahnen gesenkt (А/К, 226). Эмоционально-экспрессивный компонент информативного объема лексем в ИЯ и ПЯ не совпадает, ср: океанской волной – морской волной; гиканием и ревом – животный крик; наперевес – упавшими, опущенными.

У неполных эквивалентов со стилистическими несовпадениями семантическая информация равнозначна. Именно поэтому эти эквиваленты подыскиваются в синонимическом ряду, составленном из так называемых стилистических синонимов, под которыми обычно подразумевают слова, имеющие один и тот же *денотат*, но отличающиеся либо экспрессивно-эмоциональной окраской, либо принадлежностью к разным функциональным стилям речи, по существу объединяются два вида синонимов – стилистические и стилевые. Ср.: *Uns schwoll das Herz (R/DK)*. – Наши сердца забились быстрее (P/TT). *Schwellen* имеет русское соответствие «наполняться» и в сочетании с лексемой *das Herz* приобретает образное значение. Предложенный вариант «биться» означает «пульсировать», таким образом приводя к утрате образности. Кроме того, значение лексемы было гиперболизировано за счет добавления слова *бодрее*.

Значительно меньшая степень эквивалентности достигается в тех случаях, когда соответствующее слово в ПЯ не обладает необходимой многозначностью. Ср.: *Sie umklammerte meine Hand und schüttelte sie (R/DK)*. – Она вцепилась в мою руку и принялась ее трясти (P/TT). *Umklammern* имеет русское соответствие «обхватить» и предполагает следующие ассоциации «со всех сторон», «полностью». «Вцепиться» вызывает более негативные ассоциации, например: «очень крепко», «с силой», «до боли».

Полная невозможность найти какое-либо бытونیбыло соответствие слову подлинника, явление безэквивалентности в чистом виде, встречается относительно редко. Она может обозначать местное явление, которому нет соответствия в быту и в понятиях другого народа. Тогда дается калькирование, транскрипция или дается описательный перевод. [Примеры представлены из перевода на немецкий язык повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» из двуязычной серии ЭГИСА / A.S. Puschkin. *Pique – Dame*. // AEGIS-Verlag Ulm. 1947. AEGIS – Zweisprachenreihe. № 13. Deutsch von A. Alexander]. «Что ты, *мать моя!* глуха, что ли? – закричала графиня (П/ПД, 20). – Was ist mit dir los, mein *liebes Kind?* Bist du taub? – schrie die Gräfin (P/PD, 20). «Успеешь, *матушка*. Сиди

здесь ...» (с. 22). – «Das hat noch Zeit genug, mein Kind. Setzt dich hierher» (S. 23). Изредка тянулся Ванька на тощей кляче своей, высматривая запоздалого ездока (П/ПД, 46). – Von Zeit zu Zeit nur schleppte sich ein Wanja (ein Droschenkutscher) mit seinem elenden Klepper vorüber und hielt Ausschau nach einem verspäteten Fahrgast (P/PD, 47).

Лингвоэтнический барьер, возникающий в виде расхождений национально-культурно обусловленных факторов ценностной ориентации в двух культурах и языках, может быть в какой-то степени «возмещен» в переводе *комментариями* и *примечаниями* переводчика. Ср. перевод на немецкий язык из произведения Л. Н. Толстого «Казачья»: Ванюшка раздувал голенищем самовар на крыльце веранды (Т/К). – Wanjuschka fachte auf der Verande, einen Stiefelschaft schwenkend, die Kohlen im Samowar an (Т/К). Или: Деньги – вот чего алкала его душу (П/ПД). – Geld – also danach lechzte seine Seele (P/PD). Комментарии к слову алкать представлены переводчиком в специальном разделе в конце книги в виде синонимических рядов: hungern, heißhungrig sein, dürsten, verlangen, trachten (nach Ruhm, Reichtum etc.). Hier: Деньги – вот чего алкала его душу: – Geld – also danach lechzte seine Seele. [Erläuterungen einiger russischer Wörter und Ausdrücke. S. 95].

ЧАСТЬ 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

§6. Компрессия как закономерность в переводе

Термин «компрессия» имеет широкий диапазон применения, им обозначаются все закономерные пути реализации принципа экономии в языке. Компрессия проявляется на всех уровнях языковой системы и является высокопродуктивным средством языковой экономии. Стремление к экономному выражению определенного содержания вынуждает зачастую переводчика опускать семантически избыточные элементы исходного текста в пределах языковых и семантических норм переводящего языка. Это явление в переводоведении называется *компрессией*. Термин заимствован из теории связи. Устранение семантически избыточных элементов исходного текста вызывает сокращение его общего объема, которое называется «*компрессией текста*». Необходимо отметить, что для ясности перевода добавляются комментарии, объяснение национально-специфических реалий, что увеличивает объем текста. Чтобы не допустить чрезмерного увеличения объема текста, переводчику необходимо, по возможности, производить опущение семантически избыточных элементов исходного текста в пределах языковых и стилистических норм переводящего языка.

Компрессия – обусловленная контекстом и спецификой переводящего языка импликация отдельных компонентов содержания оригинала в переводе. Различная длина текстов на ИЯ и ПЯ, передающих идентичное содержание, является закономерностью, поскольку невозможно достичь одинакового размера текста перевода тексту на ПЯ. Различная длина текстов обусловлена субъективными и объективными факторами.

К субъективным факторам относятся личность переводчика, время исполнения перевода, умение выбрать соответствующие переводческие трансформации как способов перевода, уровень

владения основными категориями перевода, языковая компетентность.

Объективными факторами являются различия в типологической характеристике языков, способах выражения идентичного содержания, в функционировании лексико-грамматических и экспрессивно-стилистических средств выражения, в семантическом объеме лексических эквивалентов. К этим же факторам относятся семантические, лексико-грамматические переводческие трансформации, вызывающие компрессию.

Примеры компрессии из произведения Ч.Т. Айтматова «Верблюжий глаз» – «Das Kamelauge», перевод Хелены Вигерсхаузен:

1. Надо мной было высокое-высокое небо, вокруг расстилась огромная-огромная земля, и сам я показался себе маленьким-маленьким, одиноким, забредшим сюда невесть откуда человечком в стеганной фуфайке, кирзовых сапогах и поношенной выцветшей кепчонке (ЧА/В, 576). – Hoch über mir wölbte sich der Himmel, ringsherum dehnte sich die riesengroße Erde, und ich selbst war winzig klein, allein, ein von irgendwoher verschlagenes Menschlein in Steppjacke, wasserdichten Stiefeln und mit einem abgetragenen, verschossenen Käppchen (А/К, 237).

Компрессия повторов высокое-высокое, маленьким-маленьким, возвратного глагола показался себе, деепричастного оборота забредшим сюда, позволили переводчице Хелене Вигерсхаузен передать содержание оригинала с использованием меньшего количества языковых единиц, при этом сохранился не только смысловой инвариант, но и переданы в полной мере стилистические коннотации, выразительная образность и индивидуальный стиль писателя.

2. Абакир и с ним был не в ладах. Как-то, уступив моей просьбе, Эсиркеп оставил меня на день на своем плуге у трактора Садабека, а сам пересел на водовозку. Ну, известно, опоздал немного с водой, и Абакир обрушился на него. Но Эсиркеп в обиду себя не дал, он тоже драться умел. А ведь он старше меня всего года на три (ЧА/В, 576). – Abakir stand auch mit ihm auf Kriegsfuß. Esirkep hatte mir für einen Tag seinen Platz auf Sadabeks Traktorenflug abgetreten und war selber auf die Wasserfuhre geklet-

tert. Natürlich, wie konnte es anders sein, hatte er sich mit dem Wasser ein wenig verspätet, und Abakir war über ihn hergezogen. Doch Esirkep hatte sich das nicht gefallen lassen, auch er verstand seine Faust zu gebrauchen. Er war ja drei Jahre älter als ich (А/К, 238).

Лексическое значение текста оригинала может быть передано в переводе тем или иным типом высказывания, грамматической формой, паралингвистическими средствами, дескриптивным или поморфемным словообразованием, контекстуальной синонимией. Часть информации может сигнализировать контекст и даже форму языкового выражения, сочетание языковых знаков в речевой цепи. Например: *Madame Buddenbrook wandte sich an ihre Schwiegertochter, drückte mit einer Hand ihren Arm, sah ihr kichernd in den Schoß und sagte* (МТ/В). – Мадам Будденброк слегка дотронулась до руки невестки и, уставившись ей в колени, тихонько засмеялась (МТ/Б).

В переводе не воспроизведен компонент mit einer Hand, он стал семантически избыточным, так как глагол «дотронуться» уже имеет это значение.

§ 7. Компрессия переводного текста (Peter Bichsel. Die Tochter / Петер Биксель. Дочь.)

Перевод представляет собой субъективную реализацию переводчиком объективных отношений (Пешкова, 1987). Субъективность перевода ограничена необходимостью воспроизвести как можно полнее содержание текста оригинала, а возможность такого воспроизведения зависит от объективно существующих и не зависящих от переводчика отношений между системами и особенностями функционирования двух языков. Компрессия обусловлена контекстом, спецификой переводящего языка, импликация отдельных элементов содержания текста ИЯ в переводе зависит от языковых норм, системы языка, узуса, индивидуальных способностей переводчика.

Компрессия как закономерное явление проявляется в переводе вне зависимости от жанровой характеристики художественного

текста. Речь идет о немецком коротком рассказе, как признанном феномене в мировой литературе.

Немецкий короткий рассказ – особый жанр немецкой литературы – отличается сжатым, ограниченным в объеме текстом, насыщенным концентрированным содержанием и информативностью. Категория информативности в лингвистике реализуется через три вида информации: *содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую*.

Анализ содержательно-смысловой структуры текста с учетом концептуальной и подтекстовой информации позволяет расширить границы восприятия данного текста от вербально выраженной содержательно-фактуальной информации до глубинных и скрытых моментов его содержания, позволяющих увидеть его семантику в полном объеме. Специфика содержательно-смысловой структуры текста короткого рассказа проявляется в его элементах: *события и действия*, о которых рассказывается; *персонажи*, которые переживают данные события и производят данные действия; *продолжительность во времени, временную последовательность данных событий и действий; место и пространство*, которые образуют *окружение героев и арену* для событий и действий.

Специфика содержательно-смысловой структуры текста немецкого короткого рассказа состоит в том, что ее центральным смыслообразующим элементом является событие, все остальные элементы организованы вокруг события и определяются событием. Его широкий абстрактный смысл заключается в том, что это не однозначное действие, совершенное человеком, событие является элементом, структурирующим содержание текста, включает ряд некоторых действий и выполняет по отношению к действию функцию обобщения. Каждое событие, присутствующее в событийной нити текста короткого рассказа, несет в себе отражение всех других элементов содержательной структуры как богатую палитру их вариативных сочетаний. Являясь смысловой осью, событие проходит через все элементы содержательной структуры текста короткого рассказа и задает

их параметры. Макрособытие включает наибольшее количество событий и вокруг него организуется вся событийная нить текста.

Рассмотрим явление компрессии в переводе короткого рассказа «Дочь» Петера Бикселя (*Peter Bichsel. Die Tochter // Kindergeschichten. 2013. – 11. Auflage. – Verlag Suhrkamp. – 86 S.*).

Die Tochter

1–7 Abends warteten sie auf Monika. Sie arbeitete in der Stadt, die Bahnverbindungen sind schlecht. Sie, er und seine Frau, saßen am Tisch und warteten auf Monika. Seit sie in der Stadt arbeitete, aßen sie erst um halb acht. Früher hatten sie eine Stunde eher gegessen. Jetzt warteten sie täglich eine Stunde am gedeckten Tisch, an ihren Plätzen, der Vater oben, die Mutter auf dem Stuhl nahe der Küchentür, sie warteten vor dem leeren Platz Monikas. Einige Zeit später dann auch vor dem dampfenden Kaffee, vor der Butter, dem Brot, der Marmelade.

8–9 Sie war größer gewachsen als sie, sie war auch blonder und hatte die Haut, die feine Haut der Tante Maria. «Sie war immer ein liebes Kind», sagte die Mutter, während sie warteten.

10–11 In ihrem Zimmer hatte sie einen Plattenspieler, und sie brachte oft Platten mit aus der Stadt, und sie wusste, wer darauf sang. Sie hatte auch einen Spiegel und verschiedene Fläschchen und Döschen, einen Hocker aus marokkanischem Leder, eine Schachtel Zigaretten.

12–13 Der Vater holte sich seine Lohntüte auch bei einem Bürofräulein. Er sah dann die vielen Stempel auf einem Gestell, bestaute das sanfte Geräusche der Rechenmaschine, die blondierten Haare des Fräuleins, sie sagte freundlich «Bitte schön», wenn er sich bedankte.

14–17 Über Mittag blieb Monika in der Stadt, sie aß eine Kleinigkeit, wie sie sagte, in einem Tearoom. Sie war dann ein Fräulein, das in den Tearooms lächelnd Zigaretten raucht. Oft fragten sie sie, was sie alles getan habe in der Stadt, im Büro. Sie wusste aber nichts zu sagen.

18 Dann versuchten sie wenigstens, sich genau vorzustellen, wie sie beiläufig in der Bahn ihr rotes Etui mit dem Abonnement aufschlägt und verweist, wie sie den Bahnsteig entlang geht, wie sie

sich auf dem Weg ins Büro angeregt mit Freundinnen unterhält, wie sie den Gruß eines Herrn lächelnd erwidert.

19 Und dann stellten sie sich mehrmals vor in dieser Stunde, wie sie heimkommt, die Tasche und ein Modejournal unter dem Arm, ihr Parfüm; stellten sich vor, wie sie sich an ihren Platz setzt, wie sie dann zusammen essen würden.

20–21 Bald wird sie sich in der Stadt ein Zimmer nehmen, das wussten sie, und dass sie dann wieder um halb sieben essen würden, dass der Vater nach der Arbeit wieder seine Zeitung lesen würde, dass es dann kein Zimmer mehr mit Plattenspieler gäbe, keine Stunde des Wartens mehr. Auf dem Schrank stand eine Vase aus blauem schwedischem Glass, eine Vase aus der Stadt, ein Geschenkvorschlagn aus dem Modejournal.

22–23 «Sie ist wie deine Schwester», sagte die Frau, «sie hat das alles von deiner Schwester. Erinnerst du dich, wie schön deine Schwester singen konnte».

24 «Andere Mädchen rauchen auch», sagte die Mutter.

25 «Ja», sagte er, «das habe ich auch gesagt».

26 «Ihre Freundin hat kürzlich geheiratet», sagte die Mutter.

27 Sie wird auch heiraten, dachte er, sie wird in der Stadt wohnen.

28–31 Kürzlich hatte er Monika gebeten: «Sag mal etwas auf französisch». Sie wusste aber nichts zu sagen. Stenographieren kann sie auch, dachte er jetzt. «Für uns wäre das zu schwer», sagten sie oft zueinander.

32–33 Dann stellte die Mutter den Kaffee auf den Tisch. «Ich habe den Zug gehört», sagte sie.

Дочь

(Перевод с немецкого Е. Суриц //ИЛ, 5/2008)

1–7 По вечерам они ждали Монику. Она работает в городе, неудобное сообщение. Они, он с женой, сидели за столом, ждали Монику. С тех пор как она работает в городе, ужинать стали в полвосьмого. Раньше на час раньше ужинали. Теперь каждый день сидели за накрытым столом, на своих местах: отец – во главе стола, мать – ближе к кухонной двери – и час битый ждали

рядом с пустым стулом Моники. Потом ждали еще – рядом с дымящимся кофе, хлебом, маслом, вареньем.

8–9 Она их переросла, и волосы у нее светлей, и кожа у нее – нежная кожа тети Марии. «Она и малышкой была прелесть», – говорила мать, пока они ждали.

10–11 В комнате у нее был проигрыватель, она привозила пластинки из города, и она знала, кто на какой поет. И еще у нее было зеркало, разные коробочки, флакончики, пуф марокканской кожи, сигаретница.

12–13 Отец получал на службе конверт с жалованием тоже у одной барышни. Оглядывал штемпели на полке, дивился нежному шороху счетов, барышнинным светлым волосам, и она так любезно говорила «Пожалуйста», когда он ее благодарил.

14–15 Обедала Моника в городе, кое-что, как она выражалась, перехватывала в буфете. И была тогда барышней, одной из тех, что сидят в буфете, из тех, что смеются и курят.

16–17 Часто они просили ее рассказать, что она делает в городе, у себя на службе. Ей нечего было рассказывать.

18 Они пытались хотя бы себе представить, как она на вокзале, спеша, выхватывает из красной сумочки сезонный билет, предьявляет, как по пути на службу весело болтает с подружкой, как она улыбается на поклон какого-то господина.

19 Но чаще они себе представляли, как вот она придет, сумочка, модный журнал под мышкой, запах ее духов; себе представляли как она сядет за стол, и они будут ужинать.

20–21 Скоро она снимет комнату в городе – дело известное и будут они снова ужинать в полседьмого, и снова отец после работы будет читать газету, и не будет уже комнаты с этим проигрывателем, и не придется битый час ждать. На шкафу стояла ваза синего шведского стекла, ваза из города, предложенный модным журналом образчик подарка.

22–24 Она в твою сестру пошла, – жена говорила. – Вся в твою сестру. А помнишь, как твоя сестра чудно пела?

25 Другие девушки тоже курят, – мать говорила.

26–27 –Да, – он говорил. – Вот и я говорю.

28 И она замуж выйдет, – он думал, – будет в городе жить.

29–31 Недавно он упрасивал Монику: «Ну, скажи что-нибудь по-французски». «Да, – подхватывала мать, – скажи что-нибудь по-французски». Но ей нечего было сказать.

32–33 Она и стенографию знает, – он думал. А нам она оказалась не по зубам – сколько уж про это говорено-переговорено.

34–35 Но вот мать ставила кофе на стол. «Я слышала поезд», – она говорила.

Текст на ПЯ различается количеством предложений (32 в ИЯ, 35 в ПЯ). Макрособытие «ожидание дочери» включает наибольшее количество событий и вокруг него организуется вся событийная нить текста. Языковая и смысловая организация текста формируется на основе тематических рядов, которые организуются вокруг глагола «warten – ждать»: (1) warteten sie auf Monika – они ждали Монику; (3) und warteten auf Monika – ждали Монику; (6) Jetzt warteten sie – и час битый ждали; (7) Einige Zeit später dann auch vor dem dampfenden Kaffee, vor der Butter, dem Brot, der Marmelade – Потом ждали еще – рядом с дымящимся кофе, хлебом, маслом, вареньем.

Через антропоним Monika, местоимение «sie», встречающиеся почти в каждом предложении, включаются события и действия, о которых рассказывается. Мать и отец (местоимения «sie» и существительные der Vater, die Frau, die Mutter в Им. падеже) встречаются также почти в каждом предложении. Эти персонажи через свои представления переживают события, действия, сконцентрированные вокруг глагола «essen», «ужинать». Продолжительность во времени (эпизод ожидания дочери за накрытым столом) совершенно короткий – всего один час. Но макрособытие «ожидание дочери» разворачивает другие события и действия, временную последовательность этих событий и действий (arbeitete in der Stadt; Früher hatten sie eine Stunde eher gegessen; täglich; Einige Zeit später; immer; während; brachte oft Platten; Der Vater holte sich seine Lohntüte; bestaute; Oft fragten sie sie; stellten sie sich mehrmals vor; das wussten sie; Erinnerst du dich).

Сжатость, концентрация содержания ограничено местом и пространством (стол, бюро, вокзал, комната). Место и пространство, которые образуют окружение Моника, дают в полном объеме характеристику дочери, сконцентрированную информацию о ее работе, внешности молодой девушки, планы на будущее.

Для воссоздания ритмомелодики текста ИЯ, индивидуального стиля писателя в тексте ПЯ, в равной мере предполагается наличие как расширения, так и стяжения текста. Это зависит не столько от различной длины слов в языках, сколько от характера взаимодействия языковых и внеязыковых факторов при *перевыражении* содержания и их взаимообусловленности, то есть от различий между языками, не столько количественных, сколько качественных.

В переводе опущены лексемы, словосочетания, целые предложения: В (2) – die Bahnverbindungen sind schlecht; в (7) – Einige Zeit später; в (8) – Sie war größer gewachsen als sie; В (10) – oft; в (13) – der Rechenmaschine; в (14) –Über Mittag blieb Monika in der Stadt; в (18) – wie sie den_Bahnsteig entlang geht; в (19) – in dieser Stunde; в (19) – dann zusammen; в (22) – sie hat das alles von deiner Schwester, в (30) – jetzt.

Компрессия в переводе не вызывает семантический сдвиг, значения опущенных элементов имплицитно сохраняются в предложениях. Структуры предложений в тексте переводящего языка позволяют передать весь семантический объем и смысловое содержание оригинала: (2) неудобное сообщение; (8) Она их переросла; (13) счетов; некоторые элементы в предложениях (14; 18; 19; 30) не воспроизведены в тексте; в (22) – Sie ist wie deine Schwester; sie hat das alles von deiner Schwester передано узуальным выражением со значением ‘походить’ – Она в твою сестру пошла.

Таким образом, переводческая компрессия может представлять собой стяжение текста, обусловленное как объективными, так и субъективными факторами. Компрессия имеет в своей основе трансформацию – свертывание текста, результатом которого является эллипсис. Эллиптируются в переводе в основном такие

элементы, которые в информационной структуре предложения несут не основную, а вспомогательную информацию в выражении коммуникативной нагрузки. В речи эллипсис часто наблюдается в диалоге, где часть информации выражается интонацией, логическим и эмфатическим ударением, паралингвистическими средствами. В устной речи – паузой, модуляцией голоса, тембром, интонацией. В графике – пунктуацией, курсивом, композиционной структурой текста.

Следствием компрессии является не намеренное, произвольное сокращение текста при переводе, а использование языковой единицы ПЯ, менее протяженной, чем соответствующая единица подлинника, в результате лексической трансформации.

Компрессия обусловлена взаимодействием семантики и стиля текста ИЯ и языковых норм ПЯ в процессе перевыражения, например, описанием денотата или ситуации различными способами в ИЯ и ПЯ. Выделяемые существенные, различные признаки в тексте ИЯ и тексте ПЯ, но выражающие идентичные понятия, передаются различными способами, типичными для немецкого и русского языков.

Наиболее типичные случаи использования компрессии проявляются при повторах, наличии плеонастических выражений, лексических дублетов, излишних упоминаний субъекта или объекта, союзов (при изменении синтаксической связи между предложениями).

Воспроизведение отдельных структур ИЯ, не имеющих аналогий в средствах выражения ПЯ, структур, которые неприемлемы в переводном языке, могут нарушить стилистические нормы, что в свою очередь, может нарушить адекватность перевода. Например, дословный перевод предложения (8) ‘Sie war größer gewachsen als sie – *Она больше выросла чем они)’ не соответствовало бы стилистической норме русского языка. Поэтому в переводе дана адекватная замена: Она их переросла. Ср. еще: (14) Über Mittag blieb Monika in der Stadt, sie aß eine Kleinigkeit, wie sie sagte, in einem Tearoom. – Обедала Моника в городе, кое-что, как она выражалась, перехватывала в буфете.

Общеупотребительная лексика, описывающая обыденные действия выражают содержательно-фактуальную информацию. Эта же лексика отражает макрособытие «ожидание дочери», включающую содержательно-концептуальную, содержательно-подтекстовую информацию: любовь родителей к дочери. Глубина и скрытые моменты проявления любви к дочери мы видим в последних предложениях, когда заканчивается часовое ожидание: (32–33) Dann stellte die Mutter den Kaffee auf den Tisch. «Ich habe den Zug gehört», sagte sie. – (34–35) Но вот мать ставила кофе на стол. «Я слышала поезд», – она говорила.

Феномен немецкого короткого рассказа проявляется в том, что языковые единицы текста обладают стилистической заданностью, не имеют эмоционально-оценочных, образных коннотаций. Но в то же время простые языковые средства, являющиеся стилистическими нейтральными, призваны служить в художественном произведении созданию образа. Поэтому необходимо обратить особое внимание на актуализацию стилистических значений ИЯ и его воспроизведение в тексте перевода. Даже кажущаяся нейтральность значения может рассматриваться как имеющая сопутствующее значение, благодаря значащему отсутствию эмоциональной окраски (Найда).

Основные параметры художественного текста в переводе на макро-и микроуровнях должны быть сохранены в процессе перевода. К макроуровню относятся содержательный, языковой, стилистический и прагматический аспекты оригинала. Микроуровень художественной прозы содержит, в частности, такие категории, как номинативность или глагольность стиля, особенности лексики автора, доминирующие синтаксические конструкции.

Таким образом, вне зависимости от жанрово-стилистической принадлежности текста, даже в таком особом жанре немецкого короткого жанра проявляется декомпрессия, как закономерное явление в переводе.

§ 8. Структурные и семантические виды компрессии (Ч.Т. Айтматов. Верблюжий глаз / Ch. Aitmatov. Das Kamelauge)

Компрессия как закономерное явление в переводе имеет различные варианты сужения, например, свертывание придаточного предложения в слово или словосочетание; передача словосочетания словом или более коротким словосочетанием; импликация компонентов высказывания, дублирующих друг друга, признаков, семантически избыточных по нормам ПЯ, признаков предметной ситуации в связи с различиями в способах ее описания.

Сокращение текста при переводе зависит от взаимодействия языковых и неязыковых факторов и их взаимообусловленности в результате перевода. Основными факторами, вызывающими компрессию в переводе, являются: следствие применения того или иного приема перевода; смысловая и стилистическая избыточность; языковые нормы переводящего языка; передача текста эквивалентными лаконичными языковыми средствами ПЯ; конкретизация значения языковых выражений оригинала в переводе; следствие применения того или иного приема ЛТ.

Компрессия делится на *структурную* и *семантическую*.

7. I. *Структурная* компрессия переводного текста мотивирована служебными, не знаменательными элементами, которые присутствуют в исходном тексте, но не передаются в переводном тексте. Структурная компрессия не уменьшает количество сем в тексте перевода по сравнению с оригиналом, она неизбежна, не зависит от воли переводчика и обусловлена расхождениями систем ИЯ и ПЯ.

1. Структурная компрессия в переводах с немецкого на русский язык: Die starken und elastischen Tapeten, die von den Mauern durch einen leeren Raum getrennt waren, zeigten umfangreiche Landschaften (МТ/В). – На добротных упругих шпалерах, отделенных от стен полым пространством, вытканы разнообразные ландшафты (МТ/В). Структурная компрессия происходит за счет расхождений в системах немецкого и русского языков. Стяжение

происходит из-за различной организации грамматического строя русского и немецкого языков: в русском языке нет артиклей, инфинитив не сопровождается частицами как немецком языке, отсутствуют аналитические формы (вспомогательных глаголов) в выражении категории времени, падежи выражаются флексией, а не предлогами.

2. Стяжение в переводе с русского на немецкий язык (Ч.Т. Айтматов. Верблюжий глаз / Ch. Aitmatov. Das Kamelauge). Стяжение абзаца за счет опущения вводных слов, предложений:

Я неплохо развернулся в конце загона. Правда, без прицепа на развороте остались большие огрехи. Но это не такая уж беда: мало, что ли, земли на Анархае! Зато я научусь водить трактор! (ЧА/В, 586). – Ich wendete nicht schlecht am Ende des Ackers. Ohne Geräteführer waren zwar an der Wendung große Stellen ungepflügt geblieben, aber das war nicht so schlimm. Hauptsache, ich lernte einen Traktor führen! (А/К, 248).

Нет, ничего, кроме обычного туповато-надменного самодовольства, не выражало его лицо (ЧА/В, 586). – Nichts – es drückte nur die übliche dümmlich – hochmütige Selbstzufriedenheit aus (А/К, 249).

Я ничего не сказал и спрыгнул с трактора (ЧА/В, 586). – Ich sprang wortlos vom Traktor (А/К, 249).

«Как бы предупредить ее?» – думал я, бросая из кабины тревожные взгляды в их сторону (ЧА/В, 586). – Wie könnte man sie warnen? dachte ich und schaute besorgt zu ihnen hin (А/К, 249).

3. Структурная компрессия может быть вызвана и опущением части предложения: Все быстрее и быстрее погоня овец, она убежала по степи, не оглядываясь (ЧА/В, 587). – Schneller und schneller trieb sie die Schaffe davon, ohne sich umzusehen (А/К, 249).

«... А пока иди, не останавливайся, славная девушка с челочкой... Я ведь не знаю даже твоего имени...» (ЧА/В, 587). – Und jetzt geh nur, geh weg von hier... Nicht mal deinen Namen kenne ich... (А/К, 250).

Ситуация мысленного переживания героя за девушку описана различными способами в ИЯ и ПЯ. Повтор в переводе глагола

gehen, добавка von hier, инверсионный порядок слов последнего предложения компенсируют семантическую потерю целого отрезка «не останавливайся, славная девушка с челочкой». Структурная компрессия в ПЯ не повлияла на сохранение стилистических и смысловых оттенков ИЯ.

Семантическая компрессия переводного текста сопровождается переводческими преобразованиями. В результате происходит стяжение лексико-семантической структуры предложения за счет опущений в тексте перевода полнозначных номинативных единиц: Der Konsul beugte sich mit einer etwas nervösen Bewegung im Sessel vornüber (МТ/В). – Консул нервно заерзал в креслах (МТ/В).

В тексте перевода уменьшилось количество полнозначных лексем. Значение нескольких лексем исходного языка перераспределилось на одну лексему в переводящем языке, т. е. конкретное распределение элементарных единиц смысла не совпадает в предложении на ИЯ и в соответствующем ему предложении на ПЯ.

Семантическое стяжение обусловлено опущением лексических единиц, обладающих референциальным значением, заключающую в себе прагматическую информацию, ориентированную на носителей.

В ходе компрессии семантические компоненты исходного высказывания, имеющие лексическое выражение, согласно нормам переводящего языка, оказываются семантически избыточными и опускаются: Madame Antoinette Buddenbrook, geborene Duchamps, kicherte in genau derselben Weise wie ihr Gatte (МТ/В). – Мадам Антуанетта Будденброк, в девичестве Дюшан, захихикала совершенно как ее супруг (МТ/В).

В этом предложении семантически избыточным является выражение in genau derselben Weise wie. По нормам русского языка было бы неправильно переводить это выражение дословно «точно таким же образом как ее супруг». Семантически избыточные элементы заменены на лаконичное совершенно как.

8.1. Виды семантической компрессии (Ch. Aitmatov. Das Kamelauge)

Семантическую компрессию и ее виды рассмотрим далее на материале перевода на немецкий язык повести Ч.Т. Айтматова «Верблюжий глаз» / Ch. Aitmatov. Das Kamelauge. /Перевод Х. Вигерсхаузен.

В следующих предложениях семантические компоненты исходного высказывания, имеющие лексическое выражение, опущены переводчиком при переводе:

1. Свертывание распространенного предложения исходного языка в ПЯ:

Я отвертывал гайки, сразу же накручивал их на болты и складывал в кепку, чтобы не растерять. Всю ночь я елозил под плугом. Приворачивать гайки было тяжело, а главное, несподручно (ЧА/В, 582). – Ich schraubte die Muttern ab, drehte sie gleich auf die Schraubbolzen und legte alles in mein Käppchen, damit nichts verlorenging. Die ganze Nacht hindurch krabbelte ich unter dem Pflug herum. Es war nicht leicht, die Muttern anzuziehen (А/К, 243).

В переводе опущена часть развернутого предложения, которая вызвала семантический сдвиг: процесс описания ситуативности в ИЯ оказалась сосредоточенной в переводе первой части предложения. В переводном предложении передано лишь предметно-логическое содержание (смысловое содержание), объединившее всю фактическую информацию: Приворачивать гайки было тяжело – Es war nicht leicht, die Muttern anzuziehen.

Динамика экспрессивно-стилистического соответствия оригинала переводу пошла на спад в результате опущения таких эмоционально-оценочных элементов, как: а главное несподручно. В переводе использована частичная эквивалентность, которая основывается на сохранении разных частей содержания оригинала. Действия переводчика в выборе данного вида эквивалентности связаны с попыткой обнаружить в содержании оригинала инвариантную часть, сохранение которой может быть достаточным для достижения эквивалентности перевода. На роль такого инварианта выдвинута описываемая в этом тексте ситуация.

Если перевод описывает ту же самую реальность, что и в исходном предложении, то он может считаться эквивалентным.

Следует особо отметить, что какая бы часть содержания оригинала не избиралась в качестве основы для достижения эквивалентности, всегда обнаруживается множество реально выполненных и обеспечивающих межъязыковую коммуникацию переводов, вне зависимости от того, какая часть исходной информации не сохранена в переводе. [Существуют также и такие переводы, где сохраняется вся информация, однако, они не способны выполнять свою функцию в качестве эквивалентных оригиналу. В таких случаях говорится об отказе подобным переводам в праве быть переводами, или признается, что инвариантность какой-либо части содержания не является обязательным признаком перевода].

Таким образом, понятие эквивалентности неразрывно связано с понятием инварианта. Любая эквивалентность подразумевает такое отношение между исходным текстом и переводным текстом, или их сегментами, при котором сохраняется определенный инвариант. Смысловое содержание и инвариант вышеприведенного предложения детерминировано содержанием всего контекста в глаголах определенной семантики: отвертывать – *abschrauben*, накручивать – *drehen auf*, приворачивать – *anziehen*; эмоционально-оценочного и образной коннотации глагола-сказуемого *krabbeln*. Глагол *krabbeln* передает значение передвижения маленького ребенка на четвереньках вперед, поэтому при передаче значения глагола «елозить» (в значении передвижения на спине, полулежа), добавлен предлог *<herum>*.

Наиболее общим, существенным для всех уровней и видов эквивалентности инвариантным признаком является соответствие коммуникативной интенции коммуникативного эффекта исходного текста конечного текста. Этот коммуникативно-функциональный инвариант охватывает различные семиотические уровни и функциональные виды эквивалентности.

2. Словосочетание заменяется отдельным словом. Выбор сжатой формы изложения необходим для более четкой передачи смысла оригинала:

Он ездит верхом в соседнее урочище к чабанам, ругается от-туда по рации с начальством да сводки сообщает для отчетности (ЧА/В, 566). – Er pflegte ins Nachbartal zu den Hirten zu reiten; dort zankte er sich über die Funkstation mit den Behörden und gab Rechenschaftsberichte durch (А/К, 224).

3. При переводе часть семантических компонентов, дублирующих друг друга могут опускаться:

Иногда только Сорокин привезет какую-нибудь новость (ЧА/В, 566). – Hin und wieder brachte Sorokin eine Neuigkeit (А/К, 224).

Вокруг простиралась мокрая туманная степь, тихая и утомленная. Ничто ни единым звуком не нарушало ее извечного, глубокого покоя, и только я все еще всхлипывал, утирая глаза. Долго я сидел здесь, очень долго, пока не стемнело... (ЧА/В, 572). – Ringsherum breitete sich still und träge die regennasse Steppe aus. Nichts, kein Laut störte ihre ewige, tiefe Ruhe, nur ich schluchzte und schluchzte. Ich saß lange dort, bis es dunkel gewjrden war... (А/К, 232).

Kein Laut störte ihre ewige, tiefe Ruhe – по нормам немецкого языка после отрицания kein при существительном, отрицательная частица перед глаголом не ставится, но глаголы-сказуемые в комплексе с подлежащим имеют отрицательную семантику.

В переводе опущены отрицательные частицы, союз, наречия, прилагательное, причастный оборот.

4. Признаки предметной ситуации могут опускаться в связи с различиями в способах ее описания в исходном и переводящем языках:

А поезд становится все меньше и меньше, он превратился в темную черточку, а потом и вовсе исчез из глаз (ЧА/В, 568). – Der Zug wurde kleiner, verwandelte sich in einen dunklen Strich und verschwand völlig (А/К, 227).

В данном случае «меньше и меньше» переданы в немецком через формальный признак степеней сравнения лексемы – морфему – er: klein – kleiner. Фразеологический оборот «исчезать из глаз» выражен через глагол «verschwinden – исчезнуть».

5. Компрессия как следствие применения приемов перевода, как экспликация, конкретизация и опущение:

Беспредельные анархайские просторы раздвинулись еще шире, стали еще привольнее. Через весь небосклон пролегла над Анархаем радуга. Она перекинулась из края в край света и застыла в вышине, вбирая в себя все нежные краски мира. Восхищенно глядел я вокруг (ЧА/В, 587-588). – Die unendlichen anarchaischen Weiten dehnten sich noch mehr, verloren sich ins Unermeßliche. Am Horizont, über den ganzen Himmel des Anarchai spannte sich ein Regenbogen. Entzückt blickte ich mich um (А/К, 251).

Айтматовские ассоциации, характеризующиеся необычностью употребления, мощнейшей палитрой изобразительно-выразительных средств в передаче эмоционально-оценочных и образных коннотаций, которые наслаиваются на референциальное значение языковой единицы, представляют особую трудность при переводе. Следствием такого перевода является компрессия в ПЯ. Эмоционально-оценочные и образные коннотации, наслаивающиеся на референциальное значение местоимения «она» (т. е. «радуга») полностью утрачиваются в процессе опущения целого предложения. Использование приема опущения актуализовало лишь смысловую, предметно-логическую информацию предыдущего предложения «...spannte sich ein Regenbogen».

При переводе в немецком предложении происходит усиление стилистического эффекта лексемы «am Horizont» за счет экспликации словосочетания «über den ganzen Himmel», конкретизирующее значение слова «небосвод – Horizont» контекстуальным синонимом ‘Himmel’, т. е. мы видим конкретизацию и экспликацию одновременно. Подобное явление наблюдается и при передаче значения слова «привольнее» за счет введения дополнительных эмоционально-окрашенных лексических единиц ПЯ – *verloren sich ins Unermeßliche* (*досл. перевод*: затерялись в неизмеримости, необъятности).

Компрессия как стяжение текста при переводе может быть результатом применения различных приемов переводческих трансформаций, а также может быть обусловлена контекстом ПЯ в процессе перевыражения того же содержания.

6. Компрессия как утрата национально-специфических особенностей.

Компрессия представляет собой частичную или полную утрату национально-культурных смыслов и ассоциаций, например, в знаменитой повести Ч.Т. Айтматова «Джамиля» в переводе Хартмута Хербот опущены такие реалии как ‘джигиты’, ‘письмо в треугольник’ (фронтовое письмо) и многие другие (см. стр. 444 и далее), или ситуация столкновения Джамили с Осмоном передана следующим образом: «– Вот я и говорю! Война – ты и бесишься без мужниной камчи! – Осмон ухмыльнулся. – Эх, была бы ты моей бабой, тогда бы ты не то запела». (ЧА/Ж, 445). – «Wenn du meine Frau wärst, würde ich dich nackt ausziehen, du Großbrüstige, dann würdest du ein anderes Liedchen anstimmen.» (A/D, 68). Здесь мы наблюдаем переводческие ошибки в задаче ‘бесишься без мужниной камчи!’. Лакуна – это сигнал наличия культурной специфики значения. В переводе эксплицирована ситуация, которой нет в оригинале, т. е. описание Джамили как «du Großbrüstige» – ты, полногрудая» и «würde ich dich nackt ausziehen» – раздеть бы тебя догола». Национально-культурный смысл оригинала потерян, кроме того, искажен сам смысл предложения. Частичную или полную утрату национально-культурных смыслов и ассоциаций находим и в переводах и из немецкого: Na, das ist eine Überraschung. Sie sind nur voll. Voll wie eine Strandhaubitze. – Не стоит преувеличивать. Просто вы накачались. Как говорится, пьяны в стельку. (Здесь даны примеры Латышева Л.К. из произведения Э.М. Ремарка «Три товарища»).

Образно-эмоциональная составляющая речи персонажа сохраняется в переводе за счет употребления устойчивого сравнения «пьяный в стельку». Однако стержневым компонентом немецкого сравнения является лексема Strandhaubitze, имеющая отношение к военной сфере, в то время как предложенное русское сравнение чаще встречается в разговорной речи. Поскольку главный герой – бывший военный, то для него данное выражение вполне естественно. Однако в переводе эта специфика не сохранилась.

В следующем примере перевод может вызвать различные ассоциации восприятия лексической лакуны: *In dem halbdunklen Raum taumelte ein Gespenst umher.* – Там в полутьме маячила какая-то призрачная фигура.

Лексема «*umhertaumeln*» является лексической лакуной для русского языка, и ее значение складывается из значений компонентов *umher* («взад-вперед», «вокруг») и «*taumeln*» («шататься», «нетвердо ступать», «плохо держаться на ногах»). «Маячить» означает «виднеться в отдалении» и предполагает удаленность от объекта, однако не вызывает ассоциаций «перемещаться», «шататься».

В результате декомпрессии лексемы сообщаются дополнительные смыслы и ассоциации, не характерные для культуры-источника и не имеющие постоянного вербального выражения в языке оригинала: «... und mit dumpfer Stimme das Lied vom treuen Husaren sang». Лексема *singen* имеет в русском языке вербальное соответствие «петь», а «распевать» означает «петь, разучивая или репетируя» и предполагает следующие ассоциации: «громко», «эмоционально».

Компрессия проявляется в передаче национально-специфических особенностей предметной ситуации текстов ИЯ, особенно ярко это видно при передаче культурно обусловленных явлений народов, далеко отстоящих в культурном отношении далеко друг от друга.

§9. Факторы, вызывающие компрессию (переводы с английского на русский язык)

Как и в переводах с немецкого языка на русский, с русского на немецкий, явления компрессии как переводческая закономерность проявляется и в переводах с английского на русский язык. [Как переводческая закономерность, компрессия, мотивирована закономерными, объективными факторами лингвистического и экстралингвистического характера, которые находят свое выражение в переводах с любого языка. Мы приведем лишь некоторые примеры, в основном, касающиеся факторов, вызывающие

компрессию с целью достижения максимальной коммуникативно-функциональной эквивалентности на материале переводов с английского на русский язык].

Как было отмечено, сокращение текста при переводе зависит от взаимодействия языковых и неязыковых факторов, плана содержания переводимого текста и языковых норм переводимого языка, условий контекста в процессе перевыражения, различий в способах обозначения идентичных понятий в ИЯ и ПЯ, отсутствия в сознании носителя переводимого языка некоторых понятий, отраженных в тексте оригинала, невозможность использования словарных эквивалентов.

Основные факторы, вызывающие компрессию с целью достижения максимальной коммуникативно-функциональной эквивалентности:

1. Компрессия может представлять собой дескриптивный перифраз, в котором опущен ряд лексических единиц, значение которых сигнализирует контекст. Они становятся имплицитными в переводе (примеры из: Мирошниченко, 1982:127):

Not far off, listening to a lady in brown, his only son Soames, pale and well-shaved, dark-haired, rather bald, had poked his chin up sideways, carrying his nose with that aforesaid appearance of 'sniff,' as though despising an egg which he knew he could not digest (GJ). – Немного дальше его единственный сын Сомс, бледный, гладко выбритый, с темными редующими волосами, слушал какую-то даму в коричневом платье, выпятив подбородок, склонив голову набок и скорчив вышеупомянутую презрительную гримасу, словно он фыркал (ГД).

В этом предложении выделенные компоненты содержатся имплицитно в тексте ПЯ, но, несмотря на компрессию семантического компонента «as though despising an egg which he knew he could not digest», в переводе передано все содержание предложения оригинала.

2. В следующем предложении компрессию обуславливает стилистическая норма ПЯ (узус):

He remembered the days when he had been wont to slide him, in a brown holland suit, to and fro under the arch of his legs; the times

when he ran beside the boy's pony, teaching him to ride; the day he first took him to school (GJ). – Ему вспомнились те дни, когда он раскачивал на коленях мальчугана в полотняном костюмчике; то время, когда он бегал рядом с пони и учил Джо ездить верхом; тот день, когда он первый раз отвез его в школу (ГД).

Компрессия элементов «to and fro under the arch» обусловлена *узусом* этих лексем в ПЯ и контекстом в необходимости сохранения ритма, поэтому конкретное понятие оригинала заменено общим. Компрессия также может быть оправдана тем, что в предложении оригинала говорится в первую очередь о действиях, а не о том, как эти действия осуществляются.

3. Компрессия может быть мотивирована стилистической заменой:

If he were sleek, well-brushed, prosperous-looking, it was more necessary to give him nice things (GJ). – Если жених одет щеголевато, и по виду состоятельный, ему нужно дарить хорошие вещи (ГД).

В этом примере референциальное и экспрессивное значения компонентов 'were sleek, well-brushed' заменены выражением, которое стилистически более окрашено: «одет щеголевато».

4. Иногда стилистической нормой обусловлено применение более лаконичного перифраза или снятие повтора в тексте ПЯ. Это уместно там, где текст оригинала не несет какой-либо экспрессивно-стилистической нагрузки (примеры из ук. соч.: стр. 12): His forehead sloped back towards the crown of his head, and bulged out in bumps over the eyes, like foreheads seen in the Lion-house at the Zoo (GJ). – Покатый лоб, выступающий шишками, напоминал те лбы, что видишь в зоологическом саду в клетках со львами (ГД).

Выделенному в оригинале выражению «forehead sloped back towards the crown of his head», переводчик подобрал более лаконичное описание «покатый лоб», не изменив при этом смысл и не «потревожив» задуманную автором стилистическую окраску. Ср. еще: ...and the ghoulish cries mingled and jangled with sound of those church bells(GJ). – ...и их призрачные нестройные голоса

перекликались со звоном колоколов (ГД). In his hands he turned and turned a piece of china (GJ). – В руках он вертел фарфоровую вазу (ГД).

Компрессия в этих предложениях вызвана стремлением избежать тавтологии в ПЯ, так как в русском предложении она не уместна. Часть информации оригинала становится имплицитной в переводе, при этом сохраняется семантический вариант.

Другие виды стяжения текста при переводе могут представлять собой:

5. Конкретизацию значения языкового выражения в тексте ПЯ: He went on and though looking at Soames he did not seem to see him, which gave Soames an unpleasant feeling (GJ). – Он продолжал, глядя на собеседника, но словно не видя его, что коробило Сомса (ГД).

6. Деконкретизацию значения: Soames saw that his suggestion had touched some unintelligible point of personal vanity (GJ). – Сомс понял, что его слова задели архитектора за живое (ГД).

7. Компрессия текста в соответствии с лексико-стилистической или грамматической нормой ПЯ: He wandered here and there through the streets, looking at every face he met, devoured by a hundred anxieties (GJ). – Он бродил по улицам, всматриваясь в каждого встречного, терзаясь нескончаемой мукой (ГД).

Норма переводного языка требует экспликации выделенных единиц, так как с точки зрения грамматики ПЯ, они будут семантически избыточными.

8. Компрессия представляет собой замену единицы оригинала единицей ПЯ, которая структурно представляет собой более краткое, лаконичное выражение, часто контекстуальный синоним: James...like the bulky Swithin, over six feet in height, but very lean, as though destined from his birth to strike a balance and maintain an average (GJ). – Джемс был более шести футов роста, но очень худой, словно ему с самого рождения суждено было искупать породность брата (ГД). He would not run with the hare and hunt with the hounds, and so to his son he said good-bye (GJ). – Он не мог служить двум богам и простился со своим сыном (ГД).

9. Компрессия может быть результатом применения того или иного приема переводческих трансформаций: She made no reply, for she rarely spoke, husbanding her aged voice; but to James, uneasy of conscience, her look was as good as an answer (GJ). – Тетя Энн промолчала, она берегла свой старческий голос и говорила редко, но Джемсу, совесть у которого была беспокойна, ее взгляд сказал больше всяких слов (ГД). При переводе этого предложения применили антонимический перевод. Английская отрицательная конструкция передается русской утвердительной, а глагол заменяется его русским антонимом. Такая двойная «замена знака» дает в итоге то же самое значение предложения в целом.

10. В следующем предложении компрессия ряда лексем обусловлена синтаксической нормой: ...in full lamp-light, black against the silver water, sat a couple who never moved.. (GJ). – ...под ярким светом фонаря, вырисовываясь черным пятном на фоне серебристой воды, неподвижно сидели двое влюбленных... (ГД). При переводе придаточное предложение заменено словом, так как по правилам ПЯ будет неправильным передать выражение «who never moved» такой же синтаксической структурой, как и в оригинале.

§10. Декомпрессия в переводе (на материале русского, немецкого и английского языков)

Декомпрессия представляет собой обусловленное контекстом линейное расширение текста при сохранении содержательного инварианта переводимого текста. Выделяется *структурная* и *семантическая* декомпрессия ПТ.

Структурная декомпрессия определена элементами, которые объективно присутствуют в тексте, но не воспринимаются получателем текста. В случае с компрессией, наоборот, элементы присутствуют в исходном тексте, но не передаются в ПТ.

Семантическое расширение или стяжение текста вызвана введением или опущением в ПТ лексических единиц, обладающих референциальным значением лексических единиц.

Структурная декомпрессия не увеличивает количество сем в тексте перевода по сравнению с оригиналом, она неизбежна, не

зависит от воли переводчика и обусловлена расхождениями системы ИЯ и ПЯ. Структурная декомпрессия может быть обусловлена: 1) единицами, не имеющими межъязыковых системных эквивалентов: пробелы грамматического характера – отсутствие артикля в русском языке, четырехпадежная система ПЯ по сравнению с шестипадежной системой ИЯ; 2) единицами, образующими межъязыковые системные эквиваленты, т. е., расхождение в объеме значений грамматических категорий. Например, одной форме прошедшего времени русского языка соответствуют несколько форм прошедшего времени в германских языках, в частности в немецком и английском языках. Например: Может быть, он сумел бы лучше скрыть свои грехи от жены, если б ожидал, что это известие так на нее подействует (ТЛ/АК).

Перевод на английском: Possibly he might have managed to conceal his sins better from his wife if he had anticipated that the knowledge of them would have had such an effect on her (ТЛ/АК).

Перевод на немецком: Vielleicht hätte er sich auch erfolgreicher bemüht, seine Sünden vor der Frau zu verbergen, wenn er geahnt hätte, dass diese Nachricht auf sie so stark wirken würde(ТЛ/АК/Г).

Переводы русских предложений на немецкий и английский языки увеличиваются на несколько единиц. Причиной линейного расширения немецкого предложения явились служебные слова – артикли и вспомогательные глаголы «haben» и «wurden» в соответствующем времени; возвратная частица «sich»; инфинитив с частицей «zu». Причина расширения английского предложения – определенные и неопределенные артикли, вспомогательные глаголы «have» и «would», предлог «of», компенсирующий значение родительного падежа ИЯ; инфинитив с частицей «to».

Структурная декомпрессия зависит от грамматических значений, выражаемых в русском языке с помощью флексий, в немецком и английском языках нередко выражаются аналитическим способом – служебными словами.

Например, во всех трех языках есть инфинитив, но в немецком и английском языках он часто употребляется с частицами: «zu» в немецком языке и «to» в английском.

Также для всех трех языков присуще наличие возвратных глаголов, но значение возвратности выражается разными формальными способами: в русском – слитное написание возвратной частицы – ся, в немецком и английском – с помощью возвратных местоимений «sich» и «oneself»: Гостиняя Анны Павловны начала понемногу наполняться (ТЛ/ВМ). *Перевод на немецком: Anna Pawlownas Salon begann sich allmählich zu füllen* (ТЛ/КФ). *Перевод на английском: Забыться сном уже нельзя, по крайней мере, до ночи...* (ТЛ/АК). – To forget himself in sleep was impossible now, at least till nighttime... (ТЛ/АК).

Некоторые русские глаголы утратили значение возвратности, а их эквиваленты употребляются с частицами «sich», что также обуславливает структурную декомпрессию: Старикам и скучающим, мрачным молодым людям, смотревшим на нее, казалось, что они сами делаются похожи на нее, побыв и поговорив несколько времени с ней (ТЛ/ВМ). *Перевод на немецком: Die alten Herren und die blasierten, finsterblickenden jungen Leute hatten die Empfindung, als würden sie selbst ihr ähnlich, wenn sie ein Weilchen in ihrer Nähe geweilt und sich mit ihr unterhalten hatten* (ТЛ/КФ).

В силу объективных, закономерных причин в большинстве случаев переводчики вынуждены прибегать к лексико-семантическому преобразованию, в результате которого имеет место *семантическая декомпрессия ПТ*.

Лексико-семантическую структуру высказываний можно рассматривать как совокупность семантических компонентов, каждый из которых представлен лексемой. Трансформацией лексико-семантической структуры высказывания будет перевод от одной совокупности семантических компонентов при переводе с одного языка на другой. Семантическая декомпрессия сопровождается трансформациями, в результате которых происходит расширение лексико-семантической структуры предложения *за счет добавлений* в текст перевода полнозначных номинативных единиц или самых различных *замен*: замена частей речи, замена слова словосочетанием или предложением, конверсная трансформация, генерализация, конкретизация и пр.

Семантическая декомпрессия сопровождается также усложнением синтаксической структуры предложения: Она захлопнула шифоньерку и взглянула на него (ТЛ/АК). *Перевод на английский: She shut the bureau with a slam, and glanced at him (ТЛ/АК).*

Sie war stolz darauf, als ergebene Dienerin den ersten Kreisen anzugehören, und sah es ungern, wenn Tony sich etwa mit einer Schulkameradin befreundete, die nach Mamsell Jungmanns Schätzung nur dem guten Mittelstande zuzurechnen war (МТ/В). *Перевод на русский: – Она гордилась своей преданной службой людям столь высокопоставленным и бывала очень недовольна, если Тони заводила дружбу с какой-нибудь из своих одноклассниц, принадлежавшей, по мнению мамзель Юнгман, разве что к верхушке среднего сословия (МТ/В).*

В тексте перевода увеличивается количество полнозначных лексем. При этом происходит следующее: либо значение одной лексемы ИЯ перераспределяется на несколько лексем в ПЯ, т. е. конкретное распределение элементарных единиц смысла не совпадает в предложении на ИЯ и в соответствующем ему предложении на ПЯ; либо в словах ПЯ эксплицируется семантически не выраженное, т. е. прагматическое или ситуативно-контекстуальное значение. В подобных случаях говорится о семантической декомпрессии ПТ.

Семантическая декомпрессия переводного текста имеет три основных вида:

1. *Лексическая декомпрессия*, обусловленная введением в текст перевода полнозначных номинативных единиц и применением лексических способов перевода.

2. *Грамматическая декомпрессия*, ведущая к расширению текста перевода за счёт применения различного рода замен.

3. *Лексико-грамматическая декомпрессия*, обусловленная применением как лексических, так и грамматических преобразований в тексте перевода.

Кроме того, семантическую декомпрессию вызывают переводческие стратегии и технологии (способы перевода), использованные переводчиком для достижения адекватности переводно-

го текста. Основными способами перевода являются добавление, различного рода замены и описательный перевод. Приём лексических добавлений используется в тех случаях, когда некоторые невыраженные или подразумеваемые элементы смысла в оригинале, должны быть выражены в переводе с помощью дополнительных лексических единиц. В процессе перевода замене могут подвергаться формы слов, части речи, члены предложения, типы синтаксической связи. Описательный перевод – это преобразование, при котором лексическая единица оригинала заменяется словосочетанием, эксплицирующим её значение, т. е. дающим более или менее полное объяснение этого значения в переводе. Рассмотрим мотивацию появления декомпрессии в ПЯ:

1. Лексическая декомпрессия, обусловленная добавлением полнозначной номинативной единицы: Вилларский кашлянул, ему ответили масонскими стуками молотков, дверь открылась перед ними. – Willaski hustete einmal; es wurde ihm durch freimaurerisches Hammerklopfen geantwortet, und die Tür öffnete sich vor ihnen.

Семантическая декомпрессия мотивирована особенностями перевода глагольной лексемы «кашлянуть», которая выражает однократность действия и не имеет в переводимом языке однословного способа выражения, поэтому переводчик вводит дополнительную лексему «einmal»: «hustete einmal».

2. Лексико-грамматическая декомпрессия появляется при актуализации значения разовости действия, в переводе произведена замена: Вдруг князь Ипполит поднялся и, знаками рук останавливая всех и прося присесть, заговорил. – Plötzlich sprang Fürst Ippolit auf, hielt durch Zeichen mit den Armen alle zurück und bat sie, sich noch einmal hinzusetzen; dann began er zu sagen.

Семантическая декомпрессия мотивирована особенностями перевода глагольной лексемы «присесть», которая выражает однократность действия и не имеет в переводимом языке однословного способа перевода. Для актуализации в тексте перевода значения разовости действия переводчик прибегает к введению в текст дополнительной лексемы «einmal»: «sich einmal hinsetzen».

Начинательный способ действия, актуализированный в лексеме «заговорил», передан на немецкий язык конструкцией из составного сказуемого: «*began zu sagen*».

3. Лексико-грамматическая декомпрессия, вызванная применением замены, лексического преобразования – описательно-го перевода: Она была в шифре и бальном платье. – *Sie war in Balltoilette und trug als Abiturientin des Fräuleinstiftes eine Brosche mit dem Namenszug der Kaiserin*. Лексема «шифр» передана словосочетанием «*als Abiturientin des Fräuleinstiftes eine Brosche mit dem Namenszug der Kaiserin*», объясняющим значение существительного. В результате описательного перевода актуализируются семы предметно-логического плана. Также в этом примере применена замена простого предложения в исходящем языке на пространённое предложение в переводе.

4. Лексическая декомпрессия обусловлена применением лексического преобразования – описательного перевода: У меня тогда была игрушка – болванчик и я его тебе отдать хотел. – *Ich hatte damals ein Spielzeug, ein ausgestopftes Tier, und das wollte ich dir geben*. Семантическая декомпрессия мотивирована различными системами исходного и переводимого языка. Переводчик передаёт словосочетания, заменяя при этом в словосочетании лексические единицы с нейтральным значением лексическими единицами, обладающими коннотативными оттенками. Переводчик применил описательный перевод для словосочетания «*игрушка – болванчик*»: «*ein Spielzeug, ein ausgestopftes Tier*» – (досл.: игрушка, заполненный ч.-л. зверь). Ср.: «*Поджидаю, ваше величество*», – повторил Кутузов. – «*Ich warte noch, Euer Majestät*», sagte Kutusow noch einmal. Семантическая декомпрессия мотивирована введением полнозначной номинативной единицы. Переводчик добавил дополнительную лексему: «*noch einmal*». Также в данном примере применена замена определённо-личного предложения «*поджидаю*» на простое предложение «*Ich warte noch*». Ср. еще: Это был огромный в два обхвата дуб. – *Es war ein gewaltiger Baum, den zwei Männer kaum umspannen konnten*. Лексическое преобразование вследствие описательно-

го перевода вызвало декомпрессию выражения «в два объёма дуб», которое передано как «den zwei Männer kaum umspannen konnten». Лексическая трансформация с использованием описательного перевода даёт увеличение объёма в немецком: Как не поедет? – покраснев и тотчас же закашлявшись, сказал Петров. – Wie denn aufgegeben! – versetzte Petrow, der ganz rot im Gesicht wurde und sofort zu husten began. Глагол «покраснеть» передан в переводе как «ganz rot im Gesicht wurde». Применение приема лексических добавлений: С тобой, Машенька, пришла посидеть. Бог милостив, голубка. – Ich bin hergekommen, um ein Weilchen bei dir zu setzen, liebe Marja. Gott ist gnädig, mein Herzchen. Добавлено прилагательное «liebe», кроме того, русскому языку, по сравнению с немецким, свойственна широко развитая система суффиксов субъективной оценки, и здесь мы видим функциональную замену русского слова «голубка» словосочетанием «mein Herzchen».

5. Семантическая декомпрессия мотивирована различиями в структуре словообразовательных моделей, по которым образуются сложные слова в немецком и русском языках: Meinen letzten Geburtstag hatte ich im Café International gefeiert. Da war ich ein Jahr lang Stimmungspianist gewesen. – Мой последний день рождения я отмечал в кафе «Интернациональ», где в течение года работал пианистом – должен был создавать у посетителей лирическое настроение. Слово «Stimmungspianist» передано описательным переводом: «должен был создавать у посетителей лирическое настроение»; в переводе применен также приём объединения предложений.

§11. Система языка и декомпрессия текста в переводах

Понятие языковой системы имеет различные толкования, которые можно свести к тому, что система языка – это совокупность взаимосвязанных единиц языка и моделей, по которым они сочетаются. Система языка включает в себя языковые единицы самых различных уровней: фонемы, морфемы, лексемы, слово-

образовательные и синтаксические модели. Понятие системы языка отражает все возможности, которые заложены в самом его устройстве – возможности как реализуемые, так и не реализуемые. При этом отнесение к продуктам системы гипотетических образований, которые лишь возможны с точки зрения системы, т. е. могли бы быть произведены ею, но в действительности в языке не существуют, наряду с реально существующими, является крайне существенным моментом. Система языка – это не то, что реально существует в языке, а все то, что в нем может быть создано (Базылев, 2005:75).

Грамматические явления того или иного языка, связанные с закономерностями его строя, отличны от грамматических явлений другого языка, хотя и могут представлять в отдельных отношениях сходство или совпадать с ними (Федоров, 1983:171).

Специфической особенностью русского языка является широко развитая дифференцированная система суффиксов субъективной оценки. Декомпрессия ПТ является неизбежной при переводе русских существительных с этими суффиксами, так как в немецком языке таких суффиксов только два – *chen* и – *lein*, а в английском они и вовсе отсутствуют. Значения форм субъективной оценки русского языка передаются различными экспрессивно-выразительными средствами и словосочетаниями, в состав которых входят эмоциональные прилагательные: Засверкали глазки у татарчонка, а Печорин, будто не замечает; я заговорю о другом, а он, смотришь, тотчас собьет разговор на лошадь Казбича (ЛМ). The young Tartar's beady eyes began to sparkle, but Pechorin didn't seem to notice the fact (LM).

С тобой, Машенька, пришла посидеть. Бог милостив, голубка (ТЛ/ВМ). *Перевод на немецком*: Ich bin hergekommen, um ein Weilchen bei dir zu sitzen, liebe Marja. Gott ist gnädig, mein Herzchen(ТЛ/КФ). *Перевод на английском*: «I've come to sit with you a bit, Masha, said the nurse, «and here I've brought the prince's wedding candles to light before his saint, my angel.» she said with a sigh.

Иногда причиной декомпрессии ПТ при переводе существительных с суффиксами субъективной оценки может быть то

обстоятельство, что переводчик переводит словосочетания, заменяя при этом в словосочетании лексические единицы с нейтральным значением лексическими единицами, обладающими коннотативными оттенками. В результате такого перевода путем приема перераспределения значений между всей группой слов в переводе удастся сохранить стилистические и смысловые оттенки ИЯ: У меня тогда была игрушка-болванчик и я его тебе отдать хотел (ТЛ/ВМ). *Перевод на немецком:* Ich hatte damals ein Spielzeug, ein ausgestopftes Tier, und das wollte ich dir geben (ТЛ/КФ). *Перевод на английском:* I had a funny doll then and wanted to give it to you (ТЛ/ВП).

Одной из причин декомпрессии ПТ является перевод сложных прилагательных ИЯ, образованных по модели прилагательное + существительное с соединительным элементом – о, так как в ПЯ обычно отсутствуют однословные способы выражения для одного и того же понятия в силу различия в потенциальных словообразовательных возможностях ИЯ и ПЯ: С левого фланга шел ближе всех к Багратиону ротный командир, круглолицый, статный мужчина с глупым, счастливым выражением лица, тот самый, который выбежал из балагана (ТЛ/ВМ). *Перевод на немецком:* Auf dem linken Flügel der Truppe, dem Fürsten Bagration näher als alle andern, ging ein Kompaniechef, ein stattlicher Mann, mit einem dummen, glückseligen Ausdruck auf dem runden Gesicht, eben der, welcher aus Tuschins Hütte herausgekommen war (ТЛ/КФ). *Перевод на английском:* On their left flank, nearest to Bagration, marched a company commander, a fine round-faced man, with a stupid and happy expression – the same man who had rushed out of the wattle shed (ТЛ/ВП).

Он старался не отвлекаться и не портить себе впечатления, глядя на махание руками белогогалстучного капельмейстера... (ТД/АК). – He tried not to let his attention be distracted, and not to spoil his impression by looking at the conductor in a white tie, waving his arms ... (ТЛ/АК). Примеры показывают, что семантический параметр качества актуализируется в ИЯ и ПЯ по-разному. В ИЯ – атрибутивными словосочетаниями, а в ПЯ – в результате описательного перевода прилагательных.

Наиболее частой причиной, обуславливающей декомпрессию ПТ, является перевод русских глаголов. Давно подмечено, что в русских приставках заложены большие возможности видоизменять значения глаголов, вносить в них различные оттенки изобразительности, усиливать или ослаблять их выразительность. Русские суффиксы также сообщают основному значению глагола многочисленные семантические оттенки. Переводчик вынужден заменять глагольную лексику словосочетанием, добавлять новые слова, прибегать к описательному переводу. Конкретное распределение сем происходит в ИЯ и ПЯ по-разному. Декомпрессия ПТ часто обусловлена тем, что глаголы русского языка, значения которых и стилистическая направленность формируются за счет словообразовательных формантов, в частности, префиксов, и частицы – ся не могут быть воспроизведены в переводе аналогичным способом: В арьергарде Дохтуров и другие, собирая батальоны, отстреливались от французской кавалерии, преследовавшей наших (ТЛ/ВМ). *Перевод на немецком:* In der Arrieregarde sammelten Dochturow und andere Führer ihre Bataillone und verteidigten sich durch Gewehrfeuer gegen die französische Kavallerie, welche die Unsrigen verfolgte (ТЛ/КФ). *Перевод на английском:* In the rearguard, Dokhturov and others rallying some battalions kept up a musketry fire at the French cavalry that was pursuing our troops (ТЛ/ВР). Семы лексических единиц ИЯ и ПЯ перераспределяются между лексическими единицами ПЯ, в результате чего в ПЯ удается сохранить предметно-логическую и стилистическую информацию. В данных предложениях выделенное слово переводится с помощью описательного перевода, причем в немецком переводе возвратность сохраняется (*sich*), а в английском варианте – нет.

Отсутствие в английском и немецком языках категории вида глагольных лексем также обуславливают декомпрессию ПТ: Как не поедет? – покраснев и тотчас же закашлявшись, сказал Петров, отыскивая глазами жену (ТЛ/АК). *Перевод на английском:* «Not going!» said Petrov, blushing, and immediately beginning to cough, and his eyes sought his wife (ТЛ/АК). *Перевод на немецком:*

Wie denn aufgegeben! – versetzte Petrow, der ganz rot im Gesicht wurde und sofort zu husten begann (TL/AK/G). И он вдруг барпово покраснел (ТЛ/ВМ). – Sein Gesicht überzog sich auf einmal mit einer dunklen Röte (TL/KF).

Причиной линейного расширения текста является не только структурная декомпрессия, но семантическая декомпрессия, а именно актуализация в ПЯ начинательного способа действия приставками *по* и *за* в глагольных лексемах покраснел и закашлявшись.

Одну из характерных особенностей художественного текста составляет его смысловая емкость. Читатель приходит к выводам и сопоставлениям непосредственно не сформулированным в нем, появляется потребность досказать или додумать сознательно недоговоренное автором. Это обстоятельство часто приводит к экспликации значения в силу того, что словари не всегда отражают все значения и оттенки значений лексических единиц ИЯ: Бей немцев! – кричал один (ТЛ/ВМ). – Schlagt die Deutschen tot – schrie einer (TL/KF).

Это был огромный в два обхвата дуб (ТЛ/ВМ). *Перевод на немецком*: Es war ein gewaltiger Baum, den zwei Männer kaum umspannen konnten (TL/KF). *Перевод на английском*: It was an enormous tree, its girth twice as great as a man could embrace (TL/WP). Теперь, при вывозе меньшей, – переживались те же страхи, те же сомнения и еще большие, чем из-за старших, ссоры с мужем. – Now, since the youngest began to come out in the world, the Princess was going through the same terrors, the same doubts, and still more violent quarrels with her husband, than she had over the elder girls (TL/AK).

Как системные, вероятно, можно рассматривать расхождения в «списках» идиоматических выражений ИЯ и ПЯ, которые обуславливают декомпрессию. Даже если в ПЯ есть эквивалент, воспроизводящий оборот ИЯ «слово в слово», наблюдается линейное расширение ПТ, обусловленное служебными элементами ПЯ: Худой, со втянутыми щеками Чекмарь, устроившись с своими делами, поглядывал на барина, с которым он жил 30 лет

душа в душу, и, понимая его приятное расположение духа, ждал приятного разговора (ТЛ/ВМ). *Sobald der hagere, hohlwangige Tschekmar seine eigene Jagdausrüstung in Ordnung gebracht hatte, blickte er zu seinem Herrn hin, mit dem er nun schon dreissig Jahre lang wie ein Herz und eine Seele gelebt hatte, und da er dessen vergnügte Stimmung wahrnahm, so erwartete er ein angenehmes Gespräch (ТЛ/КФ).*

Со всеми поздоровавшись и сказав несколько слов, он сел, ни разу не взглянув на не спускавшего с него глаз Левина (ТЛ/АК). – Greeting and saying a few words to everyone, he sat down without once glancing at Levin, who had never taken his eyes off him (ТЛ/АК).

Идиомам ИЯ могут соответствовать по своему значению целые идиомы ПЯ, представляющие собой межъязыковые разноточные соответствия, хотя и не совпадающие с ними по словарному смыслу отдельных компонентов. Декомпрессия ПТ обусловлена в таких случаях тем, что идиоматические обороты ПЯ по количеству составляющих их элементов значительно протяженнее идиоматических оборотов ИЯ: Манера обращения принца с теми самыми лицами, которые, к удивлению Вронского, из кожи вон лезли, чтобы доставлять ему русские удовольствия, была презрительна (ТЛ/АК). – The Prince's manner of treating the very people who, to Vronsky's surprise, were ready to descend to any depths to provide him with Russian amusements, was contemptuous (ТЛ/АК). Повинитесь, сударь. Что делать! Люби кататься, люби и саночки возить (ТЛ/АК). – Beg her forgiveness, sir. There's no help for it! One must pay the piper and call the tune (ТЛ/АК).

Идиоматическому обороту ИЯ может соответствовать сочетание слов в ПЯ, представляющее собой адекватную замену лексической единицы ИЯ. Причиной декомпрессии ПТ является отсутствие эквивалента идиоматическому обороту ИЯ. Перевод делается не по словарному соответствию, а по функциональному тождеству: Стерпится—слюбится. – Он потрепал ее рукой по щеке (ТЛ/ВМ). *Перевод на немецком: Nur Ernst und Ausdauer; dann gewinnt man die Sache lieb.* – Er streichelte ihr mit der Hand

die Wange (TL/KF). – *Перевод на английском: Get used to it and you'll like it, – and he patted her cheek (TL/WP).*

Первая рюмка – колóm, вторая соколóm, а после третьей – мелкими пташечками (ТЛ/АК). – *The first glass sticks in the throat, the second flies down like a hawk, but after the third they're like tiny little birds (TL/АК).*

Декомпрессия текста перевода обусловлена восстановлением латентных компонентов ИЯ:

1. Введение в ПТ формального подлежащего *es* в немецком языке и *it* в английском языке: Было уже поздно вечером, когда они взошли в Ольмюцкий дворец, занимаемый императорами и их приближенными (ТЛ/ВМ). *Перевод на немецком: Es war schon spät abends, als sie in das Olmützer Schloss hineingingen, wo die Kaiser und ihr Gefolge wohnten (TL/KF).* Была уже половина девятого (ТЛ/АК). – *Перевод на английском: It was half-past eight already (TL/АК).*

Es и *It* не несут лексического значения, они являются строевыми элементами, и, таким образом, обуславливают структурную декомпрессию ПТ.

2. Введение подлежащего, выраженного неопределенно-личным местоимением *man* в немецком языке и *one* (they) в английском языке. Они также выполняют строевую функцию: Везде, со всех сторон, можно было столкнуться с невидимым в десяти шагах неприятелем (ТЛ/ВМ). – *Перевод на немецком: Überall, auf allen Seiten, konnte man mit dem auf zehn Schritte unsichtbaren Feind zusammenstosse (TL/KF).* Богат страсть, говорят (ТЛ/АК). – *Перевод на английском: Awfully rich, they say (TL/АК).*

3. Введение подлежащего, выраженного личным местоимением. Этот случай квалифицируется как структурно-семантическая декомпрессия, так как местоимения выполняют конструктивную функцию и обладают денотативным значением: Поджидаю, ваше величество, – повторил Кутузов (ТЛ/ВМ). – *Перевод на немецком: Ich warte noch, Euer Majestät, sagte Kutusow noch einmal (TL/KF).* Узнаю коней ретивых по каким-то их таврамам (ТЛ/АК). – *Перевод на английском: I can tell the gallant steeds, by some... I don't know what... 'paces' (TL/АК).*

4. Декомпрессия ПТ обусловлена экспликацией субъекта или предиката или субъекта и предиката одновременно, выражаемой полнозначными лексическими единицами: Нет ни весны, ни солнца, ни счастья (ТЛ/ВМ). – Es gibt keinen Frühling, keine Sonne, kein Glück (ТЛ/КФ). – *Перевод на немецком*: Чудовские? – Синодальные (ТЛ/АК). – *Перевод на английском*: Are the choristers from the church of the Miracle? – No– from the Synodal school (ТЛ/АК).

5. Особый интерес представляют односоставные инфинитивные предложения ИЯ, выражающие желание, неизбежность какого-то факта, предостережение и т.д. Семантическая декомпрессия ПТ обусловлена формализацией субъектно-предикатных отношений: Нельзя было не верить этому теперь (ТЛ/ВМ). – *Перевод на немецком*: Es schien unmöglich, daran noch zu zweifeln (ТЛ/КФ). Как бы, как бы тебе сказать, что я думаю? (ТЛ/АК). – *Перевод на английском*: Now, how am I to tell you what I mean? (ТЛ/АК).

6. Следующей причиной декомпрессии ПТ, относящейся также к расхождениям в синтаксических моделях ИЯ и ПЯ, в их лексическом наполнении, является экспликация формально невыраженных семантических компонентов при переводе глагольных лексем: «Туда ехала с матерью, а назад с сыном», – сказал он, отчетливо выговаривая, как рублем даря каждым словом (ТЛ/АК). – *Перевод на английском*: You set out with the mother and return with the son, he said to Anna, articulating distinctly, as though each word were a coin of high value bestowed by him on his hearers (ТЛ/АК).

7. Различия в синтаксических моделях ИЯ и ПЯ проявляются в том, что прилагательные ИЯ могут сами выполнять функцию подлежащего или дополнения, тогда как в ПЯ данные прилагательные, как правило, соединяются с другими словами, поэтому там, где они включаются в структуру предложения, возникают словосочетания и ПТ расширяется.

8. Семантическая декомпрессия ПТ наступает в том случае, когда прилагательные ИЯ выступают в атрибутивной функции,

но употребляются без зависимого существительного, поскольку последнее уже встречалось в предложении и его повторение привело бы к семантической тавтологии, к неестественному сочетанию слов для русского языка. В переводе же наличие этого существительного, как правило, обязательно, хотя оно выполняет чисто конструктивную функцию, способствует структурному завершению предложения ПЯ: И этот разговор, весьма трудный для хозяйки дома (ТЛ/АК). – *Перевод на английском*: The conversation was a difficult one for the lady of the house (ТЛ/АК). Но было одно важное и радостное событие: отелилась Пава, лучшая, дорогая, купленная с выставки корова (ТЛ/АК). – *Перевод на английском*: But there had been an important and joyful event: Pava, his best cow, an expensive beast, bought at a show, had calved (ТЛ/АК).

§12. Норма языка и декомпрессия текста в переводах

В отличие от системы, воплощающей потенции языка, норма выражается в конкретно реализуемых, реально функционирующих языковых формах, принятых обществом и признаваемых им правильными. Норма является своеобразным фильтром, который либо пропускает, либо задерживает то, что производит языковая система. При этом норма – это коллективная реализация системы. Языковая норма пропускает лишь то, что признается обществом правильным. Существовая в языке как объективное данное, норма отражается в грамматиках, словарях, справочниках. Нарушения нормы языка могут не отражаться на восприятии смысловой стороны сообщения, но создают впечатление неправильности речи, в то время как ошибки в сфере системы языка чаще всего влекут за собой искажение смысла или делают высказывание вообще непонятным. Одним из главных требований, предъявляемых к переводу, и общей принципиальной установкой перевода с любого языка является соблюдение нормы языка, на который совершается перевод.

Одним из требований переводческой эквивалентности является также максимальное воспроизведение значений и оттенков

значений оригинала в тексте перевода. Однако невозможно осуществить оба требования. В процессе передачи содержания исходного текста и приведения переводимого текста в соответствии с нормами ПЯ возникают противоречия. В ходе преодоления этих противоречий некоторые элементы текста трансформируются, заменяются. Самые существенные элементы воспроизводятся полностью. В противоречие вступают и сами структуры содержания исходного и переводного текстов. Это также ведет к необходимости видоизменять определенные элементы исходного текста. Ограничения, накладываемые грамматическим контекстом ПЯ, значением и сочетательными возможностями лексем ПЯ, семантикой высказывания, заставляют переводчика прибегать к лексико-синтаксическому перефразированию, в результате которого имеет место декомпрессия ПТ.

Наиболее яркое своеобразие ИЯ и ПЯ проявляется в сочетательных возможностях лексем ИЯ и ПЯ. В каждом языке имеются свои типичные нормы сочетаемости. Различия в лексической сочетаемости могут оказывать существенное влияние на выбор той или иной синтаксической структуры:

Сам он вернулся на другой край к двойняшке-березе и, прислонив ружье к развилине сухого нижнего сучка, снял кафтан, перепоясался и попробовал свободы движений рук (ТЛ/АК). *Перевод на английском:* He went back himself to a double birch tree on the other side, and, leaning his gun on the fork of a dead lower branch, he took off his full overcoat, fastened his belt again, and worked his arms to see if they were free (ТЛ/АК). *Перевод на немецком:* Er selbst begab sich an das andere Ende, wo zwei Birken ganz dicht nebeneinander wuchsen, lehnte sein Gewehr in die Gabelung eines niedrigen, trockenen Astes, zog sich den Rock aus, band sich den Gurt fester und erprobte die freie Beweglichkeit seiner Arme.

Семантическая декомпрессия предложения ПЯ является следствием перевода словосочетания ИЯ *двойняшка-береза*. По нормам английского и немецкого языков совершенно недопустима калька «twins-birch» или «Zwillingsbirke», поэтому пере-

водить нужно теми способами, которые приемлемы для переводного языка.

Синтаксические конструкции и словосочетания, оправданные с точки зрения нормы языка художественной литературы, переводятся на другой язык в соответствии с литературными нормами этих языков, вследствие чего наблюдается лексико-синтаксическое перефразирование, эксплицируются формально-невыраженные семантические компоненты ИЯ, что приводит к семантической декомпрессии ПТ. Синтаксические трансформации, и, как следствие, семантическая декомпрессия ПТ мотивирована избирательностью языковой нормы, в частности лексического наполнения, и невозможностью сохранить синтаксическую конструкцию ИЯ: Любят деньги драть с проезжающих (ЛМ. – *Перевод на английскийком: They love extorting money from people who happen to be travelling through here* (LM). В этом предложении декомпрессия обусловлена тем, что причастие не может быть субстантивировано в английском языке.

Причиной декомпрессии ПТ может быть различие в синтаксических моделях. Так, синтаксическая норма ПЯ накладывает ограничения на воспроизведение синтаксической модели ИЯ в тексте на ПЯ: «Здравствуй», – сказал он, улыбаясь здоровавшемуся мальчику (ТЛ/АК). – *Перевод на английскийком: Good morning, – he said, smiling to the boy, who had come up to greet him* (ТЛ/АК).

Соблюдение нормы ПЯ является одним из условий переводческой эквивалентности, а качество перевода определяется не только степенью полноты и точности передачи содержательных элементов текста, но также и степенью соответствия переводного текста норме ПЯ.

§13. Узус языка и декомпрессия

Речевая норма или узус это – правило ситуативного использования языка, отражающее речевые привычки и традиции данного языкового коллектива. Он обусловлен ситуацией, контекстом, функционально-стилистическими характеристиками, предпочтительной формой выражения содержания, соответству-

ющей той или иной коммуникативной цели высказывания. Другими словами, узус представляет собой как бы еще один фильтр, следующий за нормой языка. Если языковая норма отсеивает правильное от абсолютно неправильного, такого, что всегда, во всех ситуациях общения недопустимо с точки зрения грамотной части языкового коллектива, то узус среди пропущенного языковой нормой отделяет то, что уместно в данной ситуации общения, от того, что неуместно. Он определяет, как принято говорить в конкретных ситуациях общения, какие речевые варианты из числа допустимых речевой нормой языка предпочтительнее используются в рамках текстов определенного назначения и функционального стиля. Узус – это такие реализации языковой системы, которые пригодны для данных условий общения.

При расхождении в сфере узуса могут наблюдаться различия в способе выражения, расхождения в плане содержания: «Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче», – отвечал он, приосанившись (ЛМ). – *Перевод на английском: Yes, I was here under Aleksei Petrovich, – he answered, assuming an air of dignity* (LM). Данное предложение ИЯ с ярко выраженной функционально-стилистической окраской, которая заключена в семантике слова приосанившись, переведено на английский язык с помощью иной синтаксической и семантической структурой, которая объемнее по сравнению с ИЯ. Такого рода перевод актуализирует эмоционально-оценочные семы ИЯ. Это слово является разговорным синонимом к нейтральному выражению *принять важный вид*.

В художественной литературе очень часто используются просторечные и разговорные слова, которые употребляются в живой, непринужденной речи и в значительной своей части представляют синонимы с разными смысловыми и эмоциональными оттенками к словам литературным: «Помню, mon oncle», – отвечал он, взглянув на дядю, и опять потупился (ТЛ/АК). – *Перевод на английском: Yes, mon oncle, he answered, glancing at his father, and again he looked downcast* (ТЛ/АК). – *Перевод на немецком: Ja, ich erinnere mich, mon oncle, – antwortete er. Er sah dabei seinen Onkel an, senkte dann aber sogleich wieder seinen Blick*

auf den Fussboden (TL/AK/G). Слово *потунулся* является разговорным. Так как оно не имеет однословного выражения в переводном языке, используется описательный перевод, где переводчик пытается сохранить всю стилистическую окрашенность автора.

Иногда семантическая декомпрессия ПТ обусловлена тем, что нейтральная лексическая единица ИЯ переводится в ПЯ функционально-стилистически дифференцированной лексической единицей (Пешкова, 1987:106): Казалось, очень просто было то, что сказал отец, но Кити при этих словах смешалась и растерялась, как уличенный преступник (ТЛ/АК). *Перевод на английскийком*: What her father said seemed simple enough, yet at these words Kitty grew confused and upset, like a criminal caught red-handed (TL/AK).

В этом предложении нейтральное словосочетание уличенный преступник передается на ПЯ с помощью образного выражения, в состав которого входит экспрессивно-окрашенная идиома *catch red-handed* (застать кого-л. на месте преступления).

Преобладание семантического расширения в художественных текстах объясняется тем, что здесь необходимо воспроизвести не только предметно-логическую информацию, но и стилистическую, причем актуализация последней в переводе играет существенную роль. Без воспроизведения стилистических характеристик художественных произведений, без создания текстов, эквивалентных с точки зрения общей текстовой коннотации и стилистической тональности, у читателей ПЯ не может быть вызвана та же реакция, что и у читателей ИЯ. Причиной преобладания семантической компрессии или декомпрессии в переводах художественных текстов является не только стилистически маркированная лексика, высказывания, порожденные речевым творчеством автора художественного произведения, но вся совокупность лексических и грамматических средств художественной литературы (Юрин, 1982:56).

Рассматривая явление декомпрессии ПТ, обусловленное расхождением узусов ИЯ и ПЯ, функционально-стилистическими и нормативно-стилистическими особенностями, нужно подчер-

кнуть, что, создавая текст на ПЯ, важно передать в первую очередь прагматическую функцию высказывания, сделать их привычными, естественными для носителей (Nida, Taber, 1969, 87).

§ 14. Синтаксическая перестройка предложения в переводе

Синтаксическая перестройка предложения в переводе в основном зависят от переводческих трансформаций. Преобразованные выражения, по некоторым признакам структуры и значения, отличающиеся от закономерных соответствий, могут выступать как их контекстуальные синонимы. Применение трансформаций как один из приемов могут быть использованы для более полного функционального соответствия грамматических структур в текстах ИЯ и ПЯ.

Существуют основные виды грамматических трансформаций, которые функционируют при передаче синтаксической перестройки:

1. Замена залоговых конструкций: Der Präsident **verkündet** den Verteidigungszustand. – Состояние обороны **объявляется** президентом.

Замена действительного залога на пассивный залог:

Ich will nicht mehr **geleitet, ermuntert, angefeuert sein**, braust dieses Herz doch genug aus sich selbst; ich brauche Wiegenesang, und den habe ich in seiner Fülle gefunden in meinem Homer (R/DK, 5). – Я не хочу больше, чтобы меня **направляли, ободряли, воодушевляли**, сердце мое достаточно волнуется само по себе: мне нужна колыбельная песня, а такой, как мой Гомер, второй не найти (Р/ГТ, 4).

В процессе перевода глаголы *geleitet, ermuntert, angefeuert sein* были преобразованы в глаголы *направляли, ободряли, воодушевляли*. В русском языке преобладают активные конструкции, что является его особенностью в сопоставлении грамматических категорий.

2. Изменение числового состава предложений (фрагментация и интеграция предложений): Die Gewerkschaften verkörpern eine

gewaltige Kraft. Denn 8,7 Millionen Werkstätige gehören ihnen an. – Профсоюзы олицетворяют собой огромную силу, в их рядах объединены 8,7 млн трудящихся. Dieser Prozeß ist nicht Resultat einer freien Entscheidung der Bauern, sondern ergibt sich aus dem Zwang der Verhältnisse, aus dem Wirken der ökonomischen Gesetze der kapitalistischen Produktionsweise. – Этот процесс вовсе не следствие свободного решения крестьян. Он обусловлен действием экономических законов капиталистического способа производства.

3. Транспозиция означает изменения в очередности в порядке слов при передаче синтаксической перестройки в процессе перевода: Die beschlossene Verlängerung der Praktika auf ein Semester, der vergrößerte Zeitfonds für die Anfertigung der Diplomarbeit und eine größere selbständige Studienarbeit werden zum höheren Niveau der Ausbildung **führen**. – Решение о продлении практики до одного семестра, увеличение фонда времени, выделяемого для написания дипломных работ, и увеличение удельного веса самостоятельной работы студентов **приведут** к повышению уровня подготовки студентов. Транспозиция является неотъемлемым инструментом для передачи такого фактора синтаксической перестройки как актуальное разделение предложения.

4. Фрагментация предложения: Ach, daß die Freundin meiner Jugend dahin ist, ach, daß ich sie je gekannt habe! (R/DK, 5). – Ах, почему не стало подруги моей юности! Почему мне было суждено узнать ее! (P/ГТ, 6).

В данном предложении имеется два или более простых и независимых предложений, поэтому предоставляется возможность расщепления структуры предложения, ведь в данном случае разрыв независимой связи не приведет к коммуникативной потере исходных языковых компонентов в процессе перевода. Поэтому иногда необходимо подчеркнуть несколько действий в процессе расщепления сложного предложения на несколько самостоятельных простых предложения.

5. Интеграции предложений: Übrigens befinde ich mich hier gar wohl. Die Einsamkeit ist meinem Herzen köstlicher Balsam in dieser paradiesischen Gegend, und diese Jahreszeit der Jugend wärmt

mit aller Fülle mein oft schauderndes Herz (R/DK, 3). – А вообще живется мне здесь отлично, одиночество – превосходное лекарство для моей души в этом райском краю, и юная пора года щедро согревает мое сердце, которому часто бывает холодно в нашем мире: каждое дерево, каждый куст распускаются пышным цветом, и хочется быть майским жуком, чтобы плавать в море благоуханий и насыщаться ими (P/TT, 4).

Так как синтаксические особенности исходного и переводного языков различаются между собой, то переводчику необходимо в этом случае использовать прием интеграции предложений. Разделение синтаксического целого предложения не всегда является уместным для выражения коммуникативных целей предложения. Поэтому необходимо рассматривать интеграцию как нужный инструмент при передаче синтаксической перестройки структуры и целостности предложения.

§ 15. Перевод метафорических единиц

Художественный перевод из-за специфики переводимых материалов занимает особое место среди других типов перевода. Произведения художественной литературы часто противопоставляются другим речевым произведениям благодаря тому, что художественно-эстетическая функция является в них доминантной по отношению ко всем остальным коммуникативным функциям.

При осуществлении художественного перевода важно понимать, что это не столько перевод в его утилитарном понимании, сколько особый вид межкультурной, культурно-этнической и художественной коммуникации, для которой непреходящей ценностью является собственно текст как значимая смысловая величина и предмет художественного изображения и восприятия. В практике художественного перевода исторически сложились два метода, которые сводятся к следующим процессам: либо переводчик «оставляет в покое» писателя и заставляет читателя «двигаться» к нему навстречу, либо «оставляет в покое» читателя – тогда идти навстречу приходится писателю (Катарина Райс). Суть первого метода, сторонником которого является он сам, за-

ключается в том, что в результате перевода возникает «отчуждённый» текст, иностранное происхождение которого не скрывается, а, наоборот, подчёркивается переводчиком, второй способ перевода направлен на создание «естественного» для принимающей лингвокультурной среды текста.

Одной из важных и наиболее дискутируемых проблем в практике художественного перевода является определение того, что является единицей перевода. Точное определение единиц перевода – одно из важнейших условий точности перевода вообще, при этом само понятие «единица перевода» вызывает расхождение во мнениях относительно самого термина, а также относительно его природы. Рассмотрим наиболее интересные точки зрения на данную проблему. В своих трудах Л.С. Бархударов подчёркивает, что важнейшей задачей, стоящей как перед переводчиком-практиком, так и перед теоретиком перевода, «является отыскание в исходном тексте минимальной единицы, подлежащей переводу» (Бархударов, 1975: 174). По его определению, единица перевода – это «наименьшая (минимальная) языковая единица в тексте на исходном языке, которая имеет соответствие в тексте на языке перевода» (ук. соч. с. 174). Особенностью данной единицы является то, что она имеет сложную структуру, т. е. состоит из ещё меньших частиц, но части этой единицы, взятые по отдельности, не имеют никаких соответствий в тексте перевода. В.Н. Комиссаров достаточно критически отнёсся к такому определению из-за того, что Л.С. Бархударов выделял отдельно переводимые единицы оригинала после того, как перевод уже был осуществлён, т. е. в процессе сравнения его с оригиналом. Он считает, что для идентификации единицы перевода, когда она определяется по отношению к тексту перевода, «требуется предварительное сопоставление этого текста с оригиналом», и что «попытки использовать подобные единицы перевода для сегментации текста оригинала до начала процесса перевода» являются малоубедительными (Комиссаров, 1990). По мнению лингвиста, выделение единиц перевода из единого целого не означает их абсолютной смысловой или формальной самостоятельности, и лю-

бая из этих единиц всегда будет частью более крупного целого; соответственно, понимание окажется неполным, если не учитывать понимание содержания именно этого целого. В связи с этим В.Н. Комиссаров считает, что «можно говорить о том, что единицей перевода всегда является текст» (Комиссаров, 1990: 143]. Невозможно не согласиться с тем, что, поскольку текст как единица перевода может иметь любые размеры, такой подход лишает само понятие «единица перевода» какой-либо определённости.

По мнению Р.К. Миньяр-Белоручева, единицей перевода является единица речи, требующая самостоятельного решения на перевод, и, следовательно, в качестве постоянных единиц перевода выступают штампы, ситуационные клише, термины, пословицы и образные выражения (1996: 166).

Я.И. Рецкер считает, что в процессе письменного художественного перевода «единицей перевода может быть и слово, и словосочетание, и синтагма, и целое предложение, и абзац, и весь переводимый текст» (2007: 29). При переводе художественного текста, по его мнению, перевод каждого слова, реплики и предложения зависит от многих факторов: от идейно-художественного замысла автора и особенностей его индивидуального стиля до интонации и ритмомелодики целого и отдельных частей повествования, а также от речевых характеристик персонажей.

Отечественные исследователи рассматривают эквивалентность как основной признак и обязательное условие перевода, которое и отличает его от других способов передачи содержания иноязычного текста (Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер).

Понятие «эквивалентность» на современном этапе приобрело оценочный характер, так как лишь эквивалентный перевод считается хорошим и правильным. Необходимость точного определения этого понятия продиктована именно этим условием. Сама эквивалентность понимается теоретиками перевода по-разному. В «Толковом переводоведческом словаре» понятие «эквивалентность» определяется как особый случай адекватности, при этом «эквивалентность в отличие от адекватности ориентирована на

результат» (Нелюбин, 2003: 255). То что эквивалентность охватывает отношения как между отдельными знаками, так и между текстами, является постулатом современной теории перевода. При этом исследователи данной проблемы Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер подчёркивают, что эквивалентность знаков не означает эквивалентности текстов, а также что эквивалентность текстов может и не подразумевать эквивалентности всех их сегментов и выходить за пределы их языковых манифестаций, что она включает также культурную эквивалентность.

Понятие «адекватность», по мнению некоторых исследователей (Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер), является более широким, чем эквивалентность. Понятие «адекватный перевод» раскрывается в «Толковом переводоведческом словаре» более подробно и развёрнуто, чем понятие эквивалентного перевода, и включает в себя 14 определений. Наиболее полно отражающими суть данных понятий являются следующие определения: а) «Адекватный и полноценный перевод обуславливает правильную, точную и полную передачу особенностей структуры, стиля, лексики, грамматики в сочетании с безукоризненной правильностью языка, на который делается перевод»; б) «Такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определённого идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности (путем точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов) всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т. п.; последние должны рассматриваться, однако, не как самоцель, а только как средство для достижения общего эффекта» [с. 14].

Сравнение дефиниции, которые даны в толковых и переводоведческих словарях понятиям «эквивалентность» и «адекватность» показывает, что их отношения инклюзивны, т. е. имеют область пересечения значений, где эти два понятия являются равнозначными.

Потери художественной образности в переводе нарушают требование соблюдения полной эквивалентности, подразумева-

ющей максимальное соответствие оригиналу. В данном аспекте переводчику необходимо учитывать, что перевод, полностью эквивалентный оригиналу, не всегда отвечает требованиям адекватности. И наоборот, выполненный адекватно перевод не всегда строится на отношении полной эквивалентности между исходным и конечным текстами. Например, в следующем отрывке из повести Дж. Стейнбека «Жемчужина» переводчику удалось адекватно передать содержание и эмоциональный настрой исходного текста, хотя он не является абсолютно эквивалентным: He felt cloth, struck at it with his knife missed, and struck again and felt his knife go through cloth, and then his head crashed with lightning and exploded with pain (с. 58). – Он нащупал рукой мягкость ткани, ударил ножом, промахнулся, снова ударил, почувствовал, что нож распорол ткань, и тут мозг ему пронзило молнией, и его обожгло взрывом боли (с. 35).

Состояние внезапной и резкой боли, которое возникает от удара по голове, Дж. Стейнбек передаёт при помощи метафоры «his head crashed with lightning and exploded with pain» («в его голову с грохотом ворвалась молния, взорвав её болью»). У читателя перевода должно возникнуть метафорическое представление о голове как о некоем сосуде, в который с грохотом и шумом врывается молния (данная интерпретация основана на значении глагола «to crash» – с грохотом разрушать; ворваться с грохотом, шумом. Данная задача вполне адекватно решена переводчиком, так как выражение «мозг ему пронзило молнией» вызывает именно такие образы.

Вторая метафора – «his head exploded with pain» – представляет несомненную трудность для перевода, так как буквальный перевод – «его голова взорвалась болью» – был бы непонятен и лишён эмоциональной окраски молниеносного и резкого приступа боли. Поэтому найденное переводчиком выражение «его обожгло взрывом боли» вполне эквивалентно значению метафоры «his head exploded with pain». Однако созданный Дж. Стейнбеком образ передаёт ощущения самого героя, который, не ожидая удара по голове, ощутил, что его голова разрушилась,

взорвалась, что в переводе представлено действием, имеющим другое направление – «мозг ему пронзило». Здесь дан не вполне эквивалентный перевод данной метафоры.

Считается, что между понятиями эквивалентности и адекватности нет чёткого разграничения. Адекватный (эквивалентный) перевод считается единственно возможным, и здесь недопустим как буквальный, так и вольный перевод. Первый определяется как перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ, а второй – как осуществленный на более высоком», чем необходимо, уровне (Бархударов, 1975: 186–187).

Переводчику необходимо точно понимать, в чём заключается эквивалентность и адекватность и, соответственно, что должно быть непременно сохранено при переводе. При анализе перевода метафорических единиц в основу берется когнитивно-дискурсивный подход. Языковая личность писателя воспринимается в качестве носителя и хранителя культуры народа, коллективного языкового сознания. Концептосфера, индивидуальное языковое сознание писателя являются многомерными смысловыми образованиями, являющимися точками пересечения его ментального мира и мира культуры. Метафорические единицы воспринимаются как концепты, представляют собой как фрагменты жизненного опыта писателя, неизбежно связанные с его переживаниями и фиксирующими его личностный опыт, а также рефлексивную деятельность по отношению к нему.

Сравнительно-сопоставительный анализ двух фрагментов перевода рассказа Дж. Стейнбека «Вожак», выполненного М. Заготом, демонстрирует степень адекватности и эквивалентности перевода:

1) The wind sang on the hilltops and the puffball clouds hurried eastward (с. 234). – Ветер пел на вершинах холмов, дымчатые клубочки облаков быстро неслись на восток (с. 546).

2) Westering has died out of people. Westering isn't a hunger any more. It's all done (с. 248). – Движение на запад умерло из-за людей. Запад их больше не манит, с этим покончено (с. 556).

В первом примере просматривается достаточно полная эквивалентность и адекватность в передаче на русский язык метафорических единиц, позволяющая сохранить и образность, и отношение автора. Во втором примере смысловые акценты несколько смещаются, и вместо перевода «стремление осваивать запад умерло в людях,» подчёркивающего, что потеря интереса к освоению новых территорий произошла сама собой, М. Загот вносит свою интерпретацию мысли писателя, прибавив некоторый оттенок обвинения человека, «добавляя» ему ответственности. Концептуальность второй метафоры – «*Westering isn't a hunger*» – сглажена в переводе, и смысловые акценты сдвинуты. Вместо значения «освоение Запада – голод, сильное желание» читатель воспринимает данную метафору как отражение навязываемых человеку действий, чувств, реагирования. В переводе «Запад их больше не манит» не передаётся весь спектр значений слова «*hunger*», которое имеет не только прямое значение – «голод», но и переносное – «жажда», что прямо указывает на желание, исходящее от самого человека, а не навязываемое ему. С точки зрения адекватности перевода возможен и такой вариант перевода метафоры «*Westering isn't a hunger*» – «к движению на Запад пропала охота».

Я.И. Рецкер, говоря о проблеме эквивалентности, указывал на обязанность переводчика действовать не только дедуктивными методами, но и прибегать к анализу языковых средств подлинника, чтобы передать не только то, что сказано в оригинале, но и как это сказано. «Если исходить только из целого, действуя методом дедукции, то не может быть и речи о равноценности каждого средства, избранного переводчиком для передачи содержания и формы в переводе» (ук. соч., с. 18). Сохранение эмоционально-оценочного колорита в тексте ПЯ является обязательным: *Kino stood in the door, filling it, and hatred raged and flamed in back of his eyes, and fear too, for the hundreds of years of subjugation were cut deep in him* (с. 500). – Кино стоял на пороге, загораживая плечами вход в хижину, и ненависть бушевала в его глазах – ненависть и страх, ибо вековая покорность глубоко сидела в

нем (с. 28). В данном отрывке переводчику удалось сохранить ощущение переполненности главного героя такой сильной эмоцией, как ненависть, при помощи одного из значений глагола «to rage» – «бушевать, свирепствовать».

Переводчику удалось найти точку соприкосновения языковой картины мира писателя с языковой картиной мира русского читателя и адекватно передать эмоциональную модальность сильнейшего гнева, копившегося долгое время.

§ 16. Смысловое развитие (модуляция)

Смысловое развитие, или модуляция как одна из лингвопрагматических составляющих стратегии художественного перевода является необходимым условием сохранения адекватности текста ИЯ в тексте ПЯ.

Смысловое развитие, или модуляция относится к наиболее комплексным приемам перевода, который наиболее ярко очерчивает творческую индивидуальность переводчика. Перевод – это многогранный креативный процесс, который требует мобилизации всего духовного потенциала личности переводчика: интеллекта, общей и языковой интуиции, эмоций, воображения, воли, памяти и многих других факторов. Известно, что качество перевода во многом определяется умением исполнителя грамотно идентифицировать переводческую проблему и осуществлять необходимые переводческие трансформации. Как уже отмечалось, адекватным считается такой перевод, который исчерпывающе передает смысл, прагматику и динамику оригинала. При этом перевод должен быть так же естественен и легок для понимания, как и оригинал.

Одна из трудностей, с которой постоянно приходится сталкиваться переводчику, – необходимость соблюдения законов сочетаемости лексем, а также специфических языковых традиций, предписывающих нахождение наиболее типичных способов выражения данного оригинального содержания на – языке. Полноценное функционально-стилистическое соответствие текста на ПЯ тексту в ИЯ будет иметь место лишь в том случае, если он бу-

дет восприниматься иноязычным адресатом как обычный текст, ничем не отличающийся в плане языковых и прагматических норм от оригинальных текстов данного жанра. Наряду с этим, в своей нацеленности на создание адекватного продукта переводчик должен придерживаться «золотой середины», не подменяя верность подлиннику буквалистической точностью.

Говоря о репрезентативности перевода художественного текста, отметим, что количество её критериев в данном жанре заметно возрастает. Переводчик должен удовлетворить большому числу требований, чтобы создать текст, максимально полно представляющий оригинал в иноязычной культуре. Среди таких критериев следует назвать сохранение, по возможности, большего количества троп и фигур речи как важнейшей составляющей художественной стилистики того или иного произведения. Другими словами, речь идет о необходимости передачи внутрilingвистических значений (термин В.С. Бархударова), отражающих значимое взаимодействие единиц одного уровня в данном языке, и, таким образом, становящихся предметом перевода. Помимо этого, переводческий продукт должен сигнализировать об эпохе создания оригинала и его национально-этнической принадлежности.

Следовательно, технология художественного перевода вряд ли будет эффективной, если ее осуществлять лишь на лингвистическом принципе, который предполагает, прежде всего, воссоздание формальной структуры подлинника. Провозглашение лингвистического принципа основным может привести к чрезмерному следованию в переводе тексту оригинала – к дословному, в языковом отношении точному, но в художественном отношении слабому переводу, что явилось бы само по себе одной из разновидностей формализма, при котором точно переводятся чуждые языковые формы, происходит стилизация по законам иностранного языка.

Дословно точный перевод не всегда воспроизводит эмоциональный эффект подлинника, следовательно, дословная точность и художественность оказываются в постоянном противоречии друг с другом. Бесспорно, что перевод опирается на языковой ма-

териал, что вне перевода слов и словосочетаний художественный перевод не может существовать, и сам процесс перевода тоже должен опираться на знание законов обоих языков и на понимание закономерностей их соотношения.

В.С. Бархударов говорил о том, что перевод не может быть лингвистически равен оригиналу, но должен быть равен ему по воздействию на читателя (1975). Переводчикам, как и писателям, необходим многосторонний жизненный опыт, неустанно пополняемый запас впечатлений. Язык писателя-переводчика, как и язык писателя оригинального, складывается из наблюдений над языком родного народа и над родным литературным языком в его историческом развитии. Переводчик только тогда может рассчитывать на успех, когда он приступает к работе с осознанием того, что язык перевода располагает необходимым богатством репертуара средств и что «непереводимое в переводе» – это аргумент лишь в оправдание некачественно выполненной работы. Для переводчика идеал – слияние с автором. Но слияние требует исканий, выдумки, находчивости, вживания в образы, сопереживания с героями, предвидения, умения слушать, подмечать, обобщать. Переводчик в процессе работы с текстом вырабатывает наиболее оптимальную стратегию перевода и стремится раскрыть свою творческую индивидуальность, но делать это нужно так, чтобы последняя не заслоняла своеобразие автора исходного произведения.

Стратегическая линия перевода – это то, «что нужно сделать для того, чтобы рецептивный смысл, извлекаемый иноязычным и инокультурным коммуникантом, оказался аналогичным в своих существенных чертах интенциональному смыслу автора» (Макарова, 2006: 159). Хотя считается что существуют лишь «общие принципы переводческой стратегии», тем не менее элементами «переводческой стратегии и техники» следует овладевать. В этой связи говорят и о стратегических задачах отдельных видов переводов. В художественном переводе, например, «стратегическая задача заключается в передаче художественно-эстетической функции оригинала» (ук.соч., с. 50).

Л.С. Макарова считает, что в художественном переводе «применение тех или иных переводческих стратегий может прогнозироваться с высокой степенью вероятности. При этом речь идет не о конкретных приемах перевода, а о типологически общих подходах к переводу, в которых проявляются ценностные установки и “внутренняя” цензура художественного перевода» (с.337). При попытках конкретизировать номенклатуру «стратегий» в перечень частных стратегий, составляющих общую «стратегию перевода» или «стратегию переводчика», включают как общие подходы, методы, планы, так и операции – осознанные и полуинтуитивные. Согласно В.Н. Комиссарову, переводческая стратегия существует в виде ряда вариантов, строящихся на определенных принципах, предусматривающих:

- стремление как можно полнее понять переводимый текст и найти ему точное соответствие в языке перевода», уважение к оригиналу, понимание того, что любая часть текста может представлять явные или скрытые переводческие проблемы, критическое отношение переводчика к своим действиям, принцип «максимум усилий для нахождения лучшего варианта», недопустимость бездумных или поверхностных решений;
- определение цели перевода и доминанты переводческого процесса, выбор способов передачи исходного сообщения, а также учет реального употребления в языке перевода избираемого варианта;
- ознакомление с предметом исходного сообщения (путем изучения параллельных текстов на языке перевода, справочников и энциклопедий), а также со всем текстом оригинала до начала перевода, составление списка терминов и незнакомых слов, дословный перевод, чтение вслух отрезков перевода и преобладание предпереводческого анализа или постпереводческого редактирования (ук. соч., с. 33–77).

Конкретная стратегия переводчика и технические приемы, применяемые им в процессе перевода, во многом зависят от соотношения исходного языка и языка перевода и характера решаемой переводческой задачи. В основе переводческой стратегии

лежит ряд принципиальных установок, из которых сознательно или бессознательно исходит переводчик. Они кажутся самоочевидными, хотя по-разному реализуются в конкретных условиях переводческого акта.

Еще один постулат, находящийся в основе стратегии переводчика, гласит, что переводчик должен избегать так называемого «переводческого языка» (*translateese*), снижающего качество языка перевода под влиянием иноязычных форм. Субъективно переводчик видит свою задачу в том, чтобы «перевод звучал так, как его написал бы автор оригинала, если бы он писал на языке перевода».

Примеры приведены из перевода романа М. Митчелл «Унесенные ветром» (M. Mitchell 'Gone with the Wind'). Русский перевод осуществлен Т. Озерской. Переводческая стратегия должна учитывать такие факторы, как историчность, многостильность, широкое использование изобразительно-выразительных языковых средств, передача внутрilingвистических значений, реалий и т. п.

К комплексным приемам достижения адекватности перевода является прием смыслового развития (модуляция). Суть его заключается в том, что при переводе исходных единиц используются не их словарные соответствия, а лексические единицы или словосочетания, семантика которых является логическим развитием значения переводимой единицы. Наиболее типично значения таких речевых отрезков в оригинале и переводе бывают связаны причинно-следственными отношениями. При этом замена причины явления его следствием (или наоборот) отнюдь не нарушает точности перевода, а, напротив, является наилучшим, а порой, единственным способом адекватной передачи содержания подлинника.

Процедуру смыслового развития можно представить в виде следующих этапов:

- восприятия общего контекста;
- уточнения значений отдельных слов;
- проверки на соответствие контексту;
- построения логических цепочек;
- выбора приемлемого варианта;
- проверки выбранных слов в общем контексте.

В зависимости от прагматических характеристик единиц языка оригинала трансформация, построенная на приеме смыслового развития, может либо сохранять, либо менять образность и стилистическую референтность переводческих соответствий. Одним из частотных механизмов модуляций являются метафорико-метонимические преобразования. Ср.: «I couldn't risk being a wallflower just waiting on you two» (p. 11). – Не могла же я бегать танцы для вас, а потом остаться с носом и подпирать стенку! (с. 12). Прием смыслового развития состоит в том, что автор перевода декодирует содержание фразы «to be a wallflower» (досл. «садовое растение, вьюнок», перен. «дама без кавалера») посредством разговорного оборота «подпирать стену», т. е. не быть приглашенной на танец.

Аналогичным образом глагол «to risk» переводится прагматически маркированным соответствием – единицей с более узким значением «остаться с носом» (прием конкретизации). С точки зрения корреляции с функциональным стилем, данная трансформация представляется уместной в силу того, что в тексте оригинала наличествует образная метафора, которая окрашивает все высказывание, относя его к разговорному регистру: And raising good cotton, riding well, shooting straight, dancing lightly, squiring the ladies with elegance and carrying one's liquor like a gentleman were the things that mattered (p. 6). – А цену имело умение вырастить хлопок, хорошо сидеть в седле, метко стрелять, не ударить в грязь лицом в танцах, галантно ухаживать за дамами и оставаться джентльменом даже во хмелю (с. 7).

В данном текстовом отрезке автором перевода используется прием смыслового развития, так как прагматика словосочетания «dancing lightly», переданная в дословном переводе «легко танцевать», не отразила бы в полной мере ту легкую иронию, с которой автор описывает собирательный портрет джентльмена, представленный как в отмеченном микроконтексте, так и в пространстве романа в целом.

Выбор варианта перевода обусловлен как лингвистическими, так и ситуативными факторами. Данная трансформация ос-

нована на причинно-следственной связи, т. е. причина (легко = хорошо танцевать) заменяется следствием (не ударить в грязь лицом).

«The war, goose! The war's going to start any day, and you don't suppose any of us would stay in college with a war going on, do you?» (р. 7). – Так ведь война, глупышка! Война должна начаться со дня на день, и не станем же мы корпеть над книгами, когда другие воюют, как ты полагаешь? (с. 8).

Прием смыслового развития отражает причинно-следственную связь «учеба в колледже – чтение учебников». Перевод английского словосочетания «any of us would stay in college with a war going on» в дословном варианте (продолжать учебу) представляется вполне приемлемым, однако, вариант, предложенный переводчиком (корпеть над книгами), как, очевидно, более адекватно отражает прагматику ситуации общения: в аргументативном дискурсе эмотивно маркированная единица оказывается более емкой и эффективной для достижения результата, позволяя при этом сохранить смысл оригинала.

С другой стороны, текстовая выборка содержит ряд примеров, когда в результате трансформации перевод не выходит за рамки стилистического регистра анализируемого фрагмента оригинала. Ср.: «In these accomplishments the twins excelled, and they were equally outstanding in their notorious inability to learn anything contained between the covers of books» (р. 6). – Все эти качества были в большой мере присущи близнецам, которые к тому же широко прославились своей редкой неспособностью усваивать любые знания, почерпнутые из книг (с. 7)

В выделенных речевых отрезках прием смыслового развития выражен заменой следствия (близнецы выделялись именно этими достоинствами) причиной (эти качества им присущи). Как представляется, авторы оригинала и перевода, описывая разные ипостаси одного и того же качества персонажей, достигают эквивалентного понимания ситуации читателями – носителями двух контактирующих языков, которые безошибочно декодируют иронию, эксплицируемую посредством оксюморона.

«Oh, I know about that», – said Scarlett in disappointment (p. 12). – «Ну, это для меня не новость», – разочарованно протянула Скарлетт (с. 13). В данном фрагменте модуляции подлжит прямая речь героини «Oh, I know about that», в котором переводчик заменяет действие (уже знает) на следствие (это не новость), и, как представляется, сделано это на том основании, что дословный перевод (ну, я знаю об этом) не достаточно экспрессивен для выражения отношения главной героини к конкретной ситуации. Выбор трансформации переводчиком расценивается как адекватный, так как в данной редакции перевод более выпукло эксплицирует эмоциональное состояние героини (разочарование).

«It was time for Gerald's return and, if she expected to see him alone, there was nothing for her to do except meet him where the driveway entered the road» (p. 27). – Джеральд с минуты на минуту должен был возвратиться домой. Значит, чтобы увидеть отца без свидетелей, надо перехватить его тогда, когда он будет сворачивать с дороги на подъездную аллею (с. 32). В переводе идентифицирована контекстуальная замена посредством использования приема смыслового развития: переводчик заменяет причину to see him alone (увидеть отца одного) следствием (увидеть отца без свидетелей), что, более экспрессивно отражает интенцию героини обсудить с отцом проблему первостепенной важности с глазу на глаз.

She loved him and she wanted him and she did not understand him (p. 31).– Она любила его и желала, но он был для нее загадкой (с. 35).

В анализируемом контексте прием смыслового развития состоит в том, что переводчик заменяет причину did not understand (она не понимала его) следствием (он был для нее загадкой), где номинация «загадка», безусловно, придает ситуации более романтическую тональность.

Why he should have captivated Scarlett when his mind was a stranger to hers she did not know (p. 31). – Скарлетт не понимала, как он, чья душа была для нее потемки, мог так околдовать ее (с. 36). Дословный перевод данного отрезка текста, в силу особен-

ностей коллокации в переводном языке, привел бы к стилистически неуклюжему буквализму (его ум был недоступен для нее). Автор перевода, на наш взгляд, правомерно обращается к национально-детерминированному символу «душа», прибегнув к фразеологической единице «чужая душа – потемки» и используя не только прием смыслового развития, но и замену образного ряда.

Подобные комплексные трансформации позволяют приблизить текст-первоисточник к русскоязычному читателю и более целенаправленно реализовывать эстетическую функцию художественного произведения.

Модуляция зачастую сопровождается другими видами замен – конкретизацией, генерализацией, а также с приемом целостного переосмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдрахманова Р.Дж.* Теория перевода. – Бишкек, КРСУ, 2007. – 64с.
2. Базылев В.Н. Обусловленность переводческих трансформаций // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – М.: Мос. гос. строит. ун-т, 2005, № 1. – С. 75 – 79
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240с.
4. *Бреус Е.В.* Курс перевода с английского языка на русский. – М.: Р. Валент, 2007. – 317с.
5. *Бреус Е.В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.: УРАО, 2000. – 207с.
6. *Гак В.Г.* Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988. – С. 63 – 75.
7. *Казакова Т. А.* Практические основы перевода. English-Russian. – Серия: Изучаем иностранные языки. – СПб.: Издательство Союз, 2001. – 320с.
8. *Комиссаров В.П.* Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). – М.: Международные отношения, 1973. – 215с.
9. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
10. *Латышев Л.К.* Курс перевода (эквивалентность и способы ее достижения). М.: Международные отношения, 1981. – 248с.
11. *Макарова Л.С.* Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода. – М.: МГЛУ, 2006. – 364 с.
12. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. – М.: Московский лицей, 1996. – 208 с.
13. *Мирошниченко В.В.* Лексико-семантическая актуализация компонентов содержания в переводе художественного текста: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Калинин, 1982. – 16 с.

14. *Найда Ю.* Наука переводить // Вопросы языкознания, 1970. – № 4. – С. 3 – 14.
15. *Пешкова И.Р.* Декомпрессия переводного текста: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – К., 1987. – 16 с.
16. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р. Валент, 2007. – 240 с.
17. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. – М.: Высшая Школа, 1983. – 303 с.
18. *Швейцер А. Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
19. *Юрин А.В.* К вопросу о компрессии и декомпрессии текста при переводе. Краснодар, 1982. – 125 с.
20. *Kade, Otto* Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Transaltion (1968). In: *Übersetzungswissenschaft*. – Darmstadt, 1981. – S. 199 – 218.
21. *Nida E.A., Taber Ch.R.* The theory and practice of translation. – Leiden, 1969. – 220 p.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЛМ – Лермонтов М.Ю. «Герой нашего времени» // www.fictionbook.ru.

МТ/В – Mann Thomas «Buddenbrooks» // www.franklang.ru

МТ/Б – Манн Томас «Будденброки» // www.franklang.ru

ТЛ/АК – Толстой Л.Н. «Анна Каренина» // www.magister.msk.ru

ТЛ/АК/Г – Tolstoj Lev “Anna Karenina“ // www.zeno.org

ТЛ/ВМ – Толстой Л.Н. «Война и мир» // www.magister.msk.ru

ТЛ/ВП – Tolstoy Leo» War and peace”// www.magister.msk.ru

ТЛ/КФ – Tolstoj Lev „Krieg und Frieden” // www.zeno.org

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА.....	3
§ 1. Художественный перевод.....	3
§ 2. Художественный стиль и художественный текст.....	6
§ 3. Средства выразительности в аспекте перевода.....	8
§ 4. Передача выразительных средств в переводе.....	13
§ 5. Переводческая эквивалентность.....	17
ЧАСТЬ 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА.....	21
§ 6. Компрессия как закономерность в переводе.....	21
§ 7. Компрессия переводного текста (Peter Bichsel. Die Tochter / Петер Биксель. Дочь.).....	23
§ 8. Структурные и семантические виды компрессии (Ч.Т. Айтматов. Верблюжий глаз / Ch. Aitmatov. Das Kamelauge).....	32
8.1. Виды семантической компрессии (Ch. Aitmatov. Das Kamelauge).....	35
§9. Факторы, вызывающие компрессию (переводы с английского на русский язык).....	40
§10. Декомпрессия в переводе (на материале русского, немецкого и английского языков).	44
§11. Система языка и декомпрессия текста в переводах.....	50
§12. Норма языка и декомпрессия текста в переводах.....	58
§13. Узус языка и декомпрессия.....	60
§ 14. Синтаксическая перестройка предложения в переводе.....	63
§ 15. Перевод метафорических единиц.....	65
§ 16. Смысловое развитие (модуляция).....	72
Литература.....	81
Принятые сокращения.....	83

Абдрахманова Раиса Джолдошевна

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД
(ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Учебное пособие

Редактор *Е.М. Кузичева*
Компьютерная верстка *Иванова Д.*

Подписано в печать 28.01.2015
Формат 60×84 ¹/₁₆. Печать офсетная
Объем 5,25 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 86

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2